

ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

КАВЬЕ-МАРИ БОННО

От обладателя премий Roman Policier Prize
и Prix Plume de Cristal 2011

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Бестселлер из Франции

В этой книге умудренный жизнью и опытом полицейский де Пальма
столкнется лицом к лицу с самым опасным преступником
за всю свою карьеру...

amazon.com

Ксавье-Мари Бонно

Первый человек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6702855

Первый человек: Центрполиграф; Москва; 2014

ISBN 978-5-227-05205-6

Аннотация

В бухте Сюжетон около Марсея произошел несчастный случай с опытным ныряльщиком, который исследовал пещеру Ле-Гуэн. Пещера еще не до конца изучена, проникновение в нее может быть опасным. На ее стенах сохранились наскальные рисунки первобытных людей, и среди них — изображение убитого получеловека-полузверя. А на последних по времени фотографиях, которые сделал пострадавший, видна статуэтка человека с головой оленя, причем явно не так давно отреставрированная. Еще на них запечатлелась загадочная огромная черная тень...

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
1	9
2	16
3	24
4	43
5	48
6	53
7	62
8	70
9	79
10	83
11	92
12	99
13	109
14	119
15	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Ксавье-Мари Бонно

Первый человек

Published by arrangement with Agence litteraire Pierre Astier
& Associates

Разработка серийного оформления художника Е. Ю. Шурлаповой

© Xavier-Marie Bonnot, 2013

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Главные персонажи и сюжет этого романа вымышлены. Любое сходство с реальными событиями и лицами – полная случайность.

– В каком же мифе живет современный человек?

– Можно сказать, что в христианском.

– А ты живешь в этом мифе? – спросило что-то во мне.

– Если ответить абсолютно честно: нет. Это не тот миф,

в котором я живу.

– Значит, у нас больше нет мифа?

– Да, мне кажется, что у нас больше нет мифа.

– Но какой миф у тебя? Какой он, тот миф, в котором живешь ты?

К. Г. Юнг. Моя жизнь

Пролог

Поверхность скалы была похожа на каменную драпировку. И на ней, в нескольких метрах от большой плиты, которая наклонно опускалась в черную воду, возник первый знак – отпечаток детской ладони. Знак Первого Человека.

Ныряльщик вздрогнул, от волнения у него сжалось горло.

Второй отпечаток движущейся ладони, потом еще один и еще. Все они были как на негативе¹. На некоторых ладонь выглядела отрубленной, на других была перечеркнута красной полосой.

Дальше скала была изрезана линиями – то одиночными кривыми, то сплетенными в узоры. Появились наскальные рисунки, а потом – фантастические фигуры. Среди них был вырезанный в камне получеловек-полуживотное. Глубокие царапины пересекали его длинное туловище, но не затрагивали птичью голову и ноги, похожие на ноги оленя.

Ныряльщик видел перед собой то, что так долго и упорно искал. Это зрелище взяло его за душу и отбросило в глубины прошлого, к истоку всех мифов – в те дни, когда человек разумный начал свой путь, чтобы больше никогда не останавливаться.

Он нацелил фотоаппарат на изображение и нажал на

---

¹ То есть ладонь как бы вдавлена в поверхность. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.)

спуск – один раз, потом второй. Затем продвинулся вперед, и низкий потолок пещеры заставил его согнуться пополам. На блестящем полу лежал какой-то предмет. Ныряльщик подсветил себе вспышкой, придвинулся еще ближе и дал из своего аппарата целый фотозалп.

И в этот момент он услышал пение.

Напев был печальный, слова почти не слышны, словно кто-то хриплым шепотом произносит молитву. Пение становилось все быстрее, звук перелетал от одной стены к другой. Потом он стих, и снова стал слышен только стук тяжелых капель, разбивавшихся о пол цвета ржавчины.

Шлеп, шлеп, шлеп...

Ныряльщик затаил дыхание и почувствовал нервную дрожь. Он расстегнул свой комбинезон, словно освобождая сердце, которое билось все сильнее.

Слева от него скалы образовывали сырой лабиринт, который уходил в темноту. Воздух был влажным и имел горький привкус ромашки.

Ныряльщик погасил свою лампу и сел на корточки.

Песня возникла снова. На этот раз она звучала ближе и порождала еще больший страх.

Ныряльщик пытался рассуждать логически, но руки его дрожали. Он не в первый раз оказался в подводной пещере. Может быть, трещины в камне образовали что-то вроде огромного органа, и ветер, проникая через них, выдувает звуки, которые слышны даже в недрах земли.

Но в этот день не было ветра, даже легкого ветерка.

Ныряльщик снова зажег лампу. Монотонный напев внезапно оборвался. И холодно зазвучал в своем незыблемом ритме стук капель, падающих со свода, – шлеп, шлеп, шлеп, шлеп... Словно вечные часы.

Ныряльщик отступил перед опасностью. Его снаряжение лежало возле большого колодца. Он торопливо надел на себя баллоны, неловкими, дрожащими от страха руками натянул ласты и маску.

Он не слышал звук шагов за своей спиной и не видел чудовищную тень, приближавшуюся сзади.

Часть первая

Дом сумасшедших

Первобытный человек оставил нам лишь краткие послания. Он мог положить на землю какой-нибудь камень в конце долгого ритуала, во время которого приносил в дар жареную печень бизона на расписанном охрой блюде из коры. Жесты, слова, печень, блюдо исчезли. А камень, если не случится чуда, мы не отличим от других камней, лежащих вокруг.

А. Леруа-Гуран².

Религии доисторической эпохи

1

День 23 июля 1970 года был жарким. Почти из всех мест Верхнего Прованса поступили сообщения о лесных пожарах, и огонь уничтожил много гектаров леса. Дождь медлил, и природа день за днем умирала от огня и жажды.

Над раскопками доисторической стоянки в коммуне Кенсон качался фонарь. В конце дня, когда солнце стало спускаться к черным горам, служившим границами долине реки

---

² Андре Леруа-Гуран (1911–1986) – французский археолог, палеонтолог и антрополог.

Дюрансы, с гор от реки Вердон спустился милосердный, почти прохладный ветер.

Именно в этот момент сюда явилась смерть.

Смерть приехала в зеленом автомобиле-седане, поднявшем облако желтой пыли на повороте дороги, которая идет к холодным ущельям Вердона. Пьер Отран не мог знать этого и ничего не заметил. Он взглянул на часы, повернулся в сторону профессора Палестро и крикнул:

– Рабочий день окончен!

Потом он аккуратно поставил в ряд свои лопатку, скребок и кисть, прислонив их к краю большого сита. Пьер Отран все делал осмотрительно и размеренно: он любил порядок во всем. На закате обязательно полагалось выпить пива. Прохладные банки с этим напитком хранились в холодильнике в домике исследователей на другом конце площадки.

Раскоп находился на почти голом плато, где на грубой почве местами росли лишь кусты ладанника³. За плато начинался склон, который поднимался вверх, к серым утесам. Тропинка пересекала зеленые овраги и узкие, как заусенцы, полосы красной земли. Потом, скрывшись среди кермесовых дубов⁴, которые были чуть выше человеческого роста, она продолжала свой путь до горных дорог, ведущих к пещере

---

³ Ладанники – род низкорослых, в большинстве случаев вечнозеленых кустарников с яркими цветами.

⁴ Кермесовые дубы – южно-европейская разновидность дуба; на таких дубах живет насекомое кермес, из которого изготавливают красную краску, в том числе часть сортов кармина.

Бом-Бон.

Пьер Отран оперся о бок тачки, которая еще была полна строительного мусора, протянул Палестро банку пива «Кро-ненбург» и произнес:

– За твое здоровье!

Профессору Палестро, высокому мужчине с нескладной фигурой, было около тридцати лет. Плечи его по форме напоминали перевернутую букву V. Он всегда носил военные штаны, купленные на распродаже армейских излишков, а на голове – выдавшую виды парусиновую шляпу. Работал он в университете города Экс-ан-Прованса, на кафедре истории первобытного общества. Отран был почти одного с ним возраста, но более коренастый и крепкий. Он был одним из тех добровольцев, которые трут камни ради удовольствия участвовать в великом исследовании. Команда добровольцев поработала хорошо! Края раскопов шли точно так, как их отмерили шнуром, и были похожи на ступени гигантской лестницы, спускающейся в глубь земли до граветтского слоя⁵.

За прошедший месяц площадь раскопа сильно увеличилась. Палестро попросил покопать в сторону гор, в направлении частично засыпанной ямы у подножия утеса, которая была похожа на укрытие охотников эпохи палеолита. Асси-

---

⁵ Граветт – название местности в департаменте Дордонь, где проводились археологические раскопки. Термин «граветтская культура» означает совокупность культурных и художественных признаков, характерных для эпохи верхнего палеолита (примерно 28–22 тысяч лет назад). Характерная особенность граветтской культуры – изготовление статуэток из бивней мамонта. (*Примеч. авт.*)

стененты определили правила работ, протянули нити, отмечавшие уровни раскопа, топограф регулярно делал здесь съемку.

Исследователи проходили слой за слоем, и грубая почва выдавала им одну за другой тайны прошлого. Оказалось, что люди живут здесь уже четыреста тысяч лет!

Аспирант Жереми Пейе задержался на нижнем уровне, в глубинных слоях. Он стоял на коленях перед откосом и проводил кистью по самому темному слою. Пейе, несомненно, был самым упорным в работе из всех. И к тому же прирожденным первооткрывателем. Он уже сделал немало находок.

Отран отхлебнул глоток пива и провел языком по обветренным губам.

– Итак, завтра мы уезжаем, – бросил ему Палестро.

– Да. Мне немного грустно.

– Есть о чем грустить! Вернешься сюда в будущем году. Такие опытные добровольцы, как ты, всегда нужны. К тому же ты наш друг и археолог-любитель.

– Кто знает, где я буду через год...

Специалист по первобытной истории бросил банку из-под пива в бочку, служившую мусорным баком.

– Ты думаешь о своих детях?

– Да, – ответил Отран. – Я скучаю по ним.

– Не познакомишь меня с ними как-нибудь на днях?

Отран открыл свой бумажник. В пластмассовом кармашке, поверх водительских прав, лежала немного потускнев-

шая фотография его детей-близнецов – Тома и Кристины.

– Вот Кристина, – сказал он, повернув снимок в сторону Палестро.

– Красивая девушка!

– И у нее блестящий ум, ей все интересно.

– А рядом Тома?

– Да. Он родился через восемь минут после сестры.

У Тома был взгляд полный эмоций – мрачный и тревожный. Глаза его выглядели как две прорези в нежной полудетской рожице подростка. Они горели ужасным блеском болезни, о которой никогда не говорил его отец. Тома до сих пор боялся темноты. Иногда он кричал и бился так, что родные должны были удерживать его силой, привязывая к кровати и давая ему лекарства. Мальчик увлекался первобытной историей настолько, что жадно читал работы знаменитых исследователей первобытного общества – Леруа-Гурана, аббата Брейля⁶ или Люмле⁷.

– Почему ты не берешь детей с собой на раскопки? – спросил Палестро.

Лицо Отрана стало бесстрастным: он закрыл перед собой седником свою душу. Отран почти никогда не говорил о своей семье. Должно быть, в их жизни были какие-то тяжелые

---

⁶ Брейль Анри (1877–1961) – французский археолог, специалист по палеолиту и первобытному искусству.

⁷ Анри де Люмле – прославленный французский археолог и геолог, специалист по палеолиту, исследователь многих первобытных поселений, в том числе упомянутой в этой книге пещеры Бом-Бон.

мучительные тайны, которые заставляли его молчать о себе и о членах своей семьи.

С колокольни Кенсона донесся звон. Низкие звуки колоколов отражались от скал и долетали до прозрачных вод Вердона.

Жереми Пейе внезапно встал и крикнул:

– Идите сюда!

Палестро и Отран примчались к нему почти бегом.

– Это там, в граветте! – Пейе указал на коричневый слой, до которого от поверхности было метра два.

Найденный предмет был черным и длинным, он еще не был вынут из породы. Жереми Пейе наклонился и провел по нему кистью.

– Это статуэтка! Тут не может быть сомнения!

– Прекрасная находка. Браво, Жереми! – сказал Отран.

– Необыкновенная вещь! – подхватил Палестро, не сводя глаз с фигурки.

Специалист по первобытной истории бесцеремонно отеснил в сторону аспиранта и начал работать. Около десяти минут он снимал землю с находки – миллиметр за миллиметром. Иногда он останавливался и фотографировал ее. Рядом со статуэткой была положена линейка, желтая с черным, и стало ясно, что длина фигурки – около двадцати сантиметров. Ступни статуэтки были вырезаны грубо, но пропорции тела оказались идеальны. На уровне груди виднелось отверстие, позволявшее увидеть, какова статуэтка внутри.

– Похоже на кончик бивня мамонта, – предположил Пейе.

– Думаю, ты прав, – согласился Палестро. – Видно, что текстура материала такая же, как у слоновой кости.

Голова статуэтки была интересна своей необычностью. Она имела форму головы животного из породы оленей, а над лбом поднималась высокая прическа, разделенная на части глубокими разрезами, напоминая оленьи рога.

– Я думаю, – предположил Палестро, – что это мужчина с оленьей головой. Рогатый колдун, наполовину человек – наполовину животное.

Жереми Пейе принес из домика прямоугольную коробку. Палестро положил фигурку с оленьей головой на ватную подушку и накрыл крышкой.

В этот момент раздался гудок автомобиля, и все трое исследователей подняли голову.

Смерть остановилась перед решеткой, ограждавшей рабочую площадку. Она приехала в трехсотом «мерседесе» зеленого с металлическим блеском цвета, который Пьер Отран купил шесть месяцев тому назад. За рулем сидела жена Отрана. Он похлопал ладонью по штанам, стряхивая с них землю, надел солнцезащитные очки и пошел к автомобилю.

Ни его машина, ни его жена не должны были здесь находиться.

Марсель, сорок лет спустя

Уже три дня мистраль носился как проклятый по улицам города. Холодная синева чистого неба разбивалась о гребни скал, которые словно преклоняли колени перед морем. Когда ветер прекращался, прогноз погоды обещал снегопады, каких не бывало до сих пор. Декабрь был морозным, но жители Марселя уже давно не обращали внимания на такие прогнозы.

На втором этаже особняка Епископства⁸ уже довольно долго звонил телефон бригады уголовного розыска.

– Сейчас отвечу! – крикнул майор Мишель де Пальма, дую при этом на стаканчик с горячим кофе, только что полученным из автомата.

Он пронесся по коридору со скоростью гоночного автомобиля и поднял трубку.

– Я хотела бы поговорить с инспектором де Пальмой.

– Де Пальма уже целую вечность назад стал майором... Это я.

– Какое счастье, что я смогла до вас дозвониться! Я уже начала отчаиваться...

Голос был женский и дрожал. Де Пальма уселся в кресло

---

⁸ Особняк Епископства – так называется здание, где расположено полицейское управление Марселя.

и вытянул длинные ноги. Он был один, почти без сил, и ему совершенно не хотелось иметь дело с нервной дамой.

– Чего вы от меня хотите?

– Вы сегодня утром читали газету? – спросила дама.

– Я никогда не читаю газет.

Голос на короткое время замолчал. В трубке был слышен гул мотора. Должно быть, гудит двигатель корабля, предположил де Пальма.

– Я отвечаю за раскопки в пещере Ле-Гуэн. Случилось вот что... Два дня назад один из моих коллег, Реми Фортен, стал жертвой несчастного случая.

Де Пальма мгновенно выпрямился и напрягся.

– Несчастье случилось в пещере Ле-Гуэн?

– Да... Вернее, почти. Не в самой пещере, а ближе к выходу.

– На какой глубине?

– Меньше тридцати восьми метров.

– Причина – декомпрессия?

– Специалисты именно так и считают.

– Погружения в пещере Ле-Гуэн опасны. Вы должны об этом знать. Как вас зовут?

– Полина Бертон.

Де Пальма нацарапал это имя на пачке с сигаретами.

– И вы думаете, что это мог быть и не несчастный случай...

– Именно так, – ответила Полина Бартон. – Я не знаю, как

объяснить, но с тех пор, как произошло это несчастье, я перечитала заново все, что смогла найти, об ужасных событиях, в центре которых была эта пещера, и думаю, что все это не случайность. Вы помните, что это за события?

– Дело Отранов – Тома и Кристины, десять лет назад. Разве я могу забыть такое?

Тома Отран, сын Пьера Отрана, был арестован группой полицейских, которой командовал де Пальма. Тома убил трех женщин. Вероятно, их было и больше: полиция так и не смогла установить истину. Рядом с каждой жертвой преступник оставлял негативный отпечаток своей ладони. Вдавленный след, похожий на те, которые первобытные люди мадленской культуры⁹ чертили в своих пещерах.

Отран не признался в своих преступлениях перед полицией и судьями. Суд Экс-ан-Прованса приговорил его к пожизненному заключению, причем двадцать три года он должен провести в тюрьме строгого режима. Когда все это произошло, Кристина, его сестра-близнец, преподавала первобытную историю в Университете Прованса. Она получила двенадцать лет как соучастница убийств.

Де Пальма быстро просмотрел все полицейские сводки. Ни одного сообщения о побеге. Ни одного объявления в розыск. Ни слова о близнецах Отран. Уже целую вечность ничто не напоминало ему о пещере Ле-Гуэн и о близнецах

---

⁹ Мадленская культура – самая поздняя культура палеолита. Существовала от 15 до 8 тысяч лет до н. э. Названа по имени пещеры Ла-Мадлен во Франции.

Отран. Это плохое предзнаменование. Он заговорил более властно:

– Нам нужно срочно встретиться. Увидимся около семнадцати часов.

– Хорошо... Я нахожусь сейчас в бухте Сюжитон¹⁰. В это время буду на поверхности.

– Тогда я приду к вам. А вы доберетесь до меня по морю. Де Пальма повесил трубку, не сказав «до свидания», и выбросил свой кофе в мусорную корзину. День начинался тяжело. Три раза прогремел низкий, мощный, округлый бас колокола собора Де-Ла-Мажор. Мистраль с новой силой засвистел на улице Епископства и взметнул выше окон второго этажа листы бумаги и пластиковые пакеты.

Де Пальма провел у телефона целый час. В управлении по делам культуры ответили, что в пещере Ле-Гуэн действительно велись раскопки. В морской жандармерии и в службе спасения на море подтвердили, что у входа в эту пещеру, на глубине самое меньшее тридцать восемь метров, произошел несчастный случай с ныряльщиком. Реми Фортена нашли в очень тяжелом состоянии. Его сразу положили в декомпрессионную камеру и отвезли в университетскую клинику Ля-Тимон в Марселе.

Фортен поднялся на поверхность с глубины почти сорок метров всего за несколько секунд. Азот, который под боль-

---

¹⁰ Сюжитон – маленькая бухта недалеко от Марселя, одна из группы бухт, которые называются каланками.

шим давлением расширяется и увеличивается в объеме, не успел вернуться в нормальное состояние и образовал пузыри в мышечных тканях и крови ныряльщика.

– Это чудо! – подтвердил врач.

Де Пальма недоверчиво относился ко всему, и к чудесам тоже. Ныряльщики такого уровня, как Реми Фортен, не теряют присутствия духа. Но в водных глубинах может произойти все что угодно. Там случаются странные встречи. Можно увидеть кого угодно, включая бешеных людей типа Тома Отрана. При этой мысли де Пальме нестерпимо захотелось курить, но он с ужасом подумал, что для этого надо спуститься во двор особняка и курить там «Житан» среди метели вместе с последними табачными наркоманами полиции, и отказался от этой затеи. Майор сделал круг по своему кабинету. Возле компьютера валялся приказ главного шефа – нового директора судебной полиции, гласивший, что борьба с организованной преступностью должна быть для полиции приоритетом, а возвращение правового государства в северные кварталы города – крестовым походом. За двенадцать месяцев в этот бандитский рай перебрались четыре сутенера. Но хуже, чем это, была война между мафиозными семьями Роз и Кастеллан, которая бушевала в этих кварталах. В подпольном игорном доме были убиты шесть молодых парней. Работа была грубая: стреляли из «Калашникова». Де Пальма разорвал приказ и выбросил обрывки в корзину.

Внезапно дверь открылась, и в кабинет просунулась голо-

ва Карима Бессура. Де Пальма чуть не подскочил на месте.

– А, вот ты где, Барон! – удивился Бессур.

– А где, по-твоему, я должен быть?

Бессур нахмурил брови. Он был рослый, но стройный и гибкий, с очень худым лицом.

– Ты не забыл, что мы обмываем мои капитанские погоны? – спросил он.

По такому случаю Карим надел белую рубашку, рукава которой были слишком коротки для его невероятно длинных рук, и повязал синий галстук, висевший на нем криво.

– В твоём возрасте – и уже капитан! – воскликнул де Пальма. – Так ты можешь дорасти до комиссара.

– Не смейся надо мной!

– Ты на это способен, сынок. Полицейских такого размера, как ты, в нашем заведении меньше десятка.

– Это ты меня всему научил, Барон!

– Увы! – Де Пальма сморщился, всем лицом выражая печаль. – Через три недели моей работе конец. Барона не станет.

Карим почувствовал себя лишним в этой красивой сцене грусти о прошлом. Желая отвлечься, он стал смотреть на часы у себя на руке.

– Этот кабинет немного похож на исповедальню! – продолжал де Пальма. – Исповедальня без священника... Я вижу перед собой тех бедняг, которые сидели здесь. Их левое запястье приковано к этому кольцу. Сколько парней крича-

ли здесь, что невиновны! Было и несколько женщин. И трое приговоренных к смерти, словно три карты одного достоинства в покере. Я не могу стереть из своей памяти их лица. Я и теперь еще храню в памяти их слезы, крики, мольбы...

– И все-таки у тебя было несколько великих дел! Тебя не просто так прозвали Бароном.

Чтобы прекратить этот разговор, раздражавший его, словно неприятный запах, де Пальма взял в руки картонную коробку, которую купил у торговца овощами и фруктами на улице Епископства.

– Начну приводить все в порядок, – сказал он, отпер ящики и высыпал их содержимое прямо в коробку.

В нее посыпался дождь из мелочей – визитные карточки, старые ластик, раздавленные гильзы, огрызки карандашей и клочки бумаги, на которых были нацарапаны смешные записки.

Тридцать лет работы в уголовном розыске – это не пустяк.

– Не забывай, что ты должен протянуть здесь еще три недели, – пошутил Карим.

Де Пальма надел форменную куртку и запихнул в кобуру пистолет.

– Мне надо уходить. У меня назначена встреча с одной специалисткой по первобытным людям, и место встречи недалеко.

– Вот как?

– В бухте Сюжитон чуть не потонул ныряльщик. Туда я и

собираюсь.

– Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

– Не надо: ты должен открыть шампанское на празднике.

Де Пальма положил три пальца на его плечо, изображая капитанские погоны. Бессур, как всегда, оставил без внимания шутку своего начальника, который, в сущности, не чувствовал никакого уважения к званиям, авторитету начальства и нашивкам на мундирах. Он принял серьезный вид и сказал:

– Несчастный случай в Сюжитоне! Я думаю, это то, о чем я читал в газете. Он произошел в пещере Ле-Гуэн?

– Перед самым выходом из нее. На глубине меньше тридцати восьми метров.

– Это не несчастный случай?

– Я ничего не знаю, сынок. Когда речь идет о пещере Ле-Гуэн, я всегда жду худшего. Ты меня понимаешь?

– Да.

– Почему? Это было написано в газете?

– В общем... да.

– Только этого не хватало!

Бессур отвернулся. Де Пальма терпеть не мог выпивок по случаю приезда, отъезда, повышения – и вообще любых выпивок.

В автомобилях «альфа-ромео Джульетта» 1959 года радиоприемник находился справа от трех больших круглых хромированных счетчиков, как раз над зеркалом заднего обзора, которое было укреплено на пульте управления. Поэтому, чтобы найти нужную станцию, требовалась некоторая ловкость пальцев: надо было поворачивать ручку вправо, причем медленно, чтобы не свести с ума тюнер. Барон уже давно не решался даже прикоснуться к этому устройству и никому не позволял этого делать. Игла указателя радиостанций в легендарной машине-купе много десятилетий назад остановилась на станции «Франс-Мюзик» и с тех пор не двигалась с места.

Когда инспектор выезжал с подземной парковки особняка Епископства, радио ожило. Несколько секунд из приемника раздавался треск, а потом вырвались (звучавшие в монофонической записи) последние такты большой арии Радамеса из оперы «Аида»:

Воздвигнуть тебе трон
Рядом с солнцем...

Де Пальма узнал голос Пласидо Доминго, вспомнил год, когда была сделана запись, – 1974-й, и долго ждал, когда же

прозвучит героический си-бемоль и на сцене появится Амнерис в исполнении Фиоренцы Косотто – певицы со сказочно прекрасным голосом. Но вместо нее заговорил какой-то музыковед-комментатор. Это была познавательная передача о великих артистах. Де Пальма слушал его рассеянно. В любом случае туннель, который шел от старинных доков до квартала Тимон, надолго заставит замолчать этого специалиста по музыке.

Поездка продолжалась еще полчаса. Полицейский проехал через кварталы, которые лепились к крутым склонам горы Сен-Сир и ущелья Жинест, и добрался до последних домов города.

Марсель остановился у порога цепи маленьких, окруженных горами бухт, которые назывались старинным словом «каланки». Ржавый шлагбаум, а за ним – проложенная огнем дорога, которая поднимается к перевалу Сюжитон.

Эта тропа сначала карабкается вверх, к перевалу, среди потрепанных ветром дубов и сосен, посаженных, чтобы восстановить растительность в долинах после опустошительных пожаров. После узкого ущелья возникает ложбина, которая спускается к маленькой бухте. На чистом дне моря черными пятнами выделяются скопления морской травы посидонии. На глубине тридцати восьми метров под водой есть узкий проход, по которому можно подняться в недра горы и попасть в грот Ле-Гуэн – пещеру со свободным доступом воздуха, на стенах которой сохранились написанные краской

или прочерченные резцом рисунки первобытных людей.

Тишину разорвал пронзительный крик. Ястребиный орел поднялся в воздух над Сюжитоном и стал искать воздушные потоки, которые поднимаются вверх вдоль утесов.

Де Пальма сошел вниз по тропинке и оказался на узком ступенчатом выступе скалы, который служил наземным командным пунктом для пловцов. Через несколько секунд Полина Бертон вынырнула на поверхность и жестом дала понять, что видит полицейского.

Техники из DRASM¹¹ суетились вокруг герметичного ящика, который поднимался вверх на пеньковом тросе. Полина скользнула на борт «Археонавта» (так называлось судно ее экспедиции) и исчезла внутри ровно на столько времени, чтобы повязать голову полотенцем и надеть потертые джинсы и оранжевую флисовую куртку.

– Здравствуйте, месье де Пальма. Спасибо, что пришли.

Пожатие ее руки было крепким. Полина Бертон не носила обручального кольца и не красилась. Погружения в воду и укусы жгучего солнца оставили морщины на ее продолговатом лице. Глаза у нее были серые, очень живые.

– Есть ли у вас новости о Реми Фортене? – спросил де Пальма.

– Прогноз врачей не слишком оптимистичный... Поднимайтесь на борт, здесь нам будет удобнее разговаривать. Вы

---

¹¹ DRASM – Управление подводных археологических исследований. (Примеч. авт.).

не боитесь качки?

Инспектор улыбнулся:

– Я из семьи моряков.

Длина «Археонавта» была примерно тридцать метров. Его острый форштевень разрезал морскую гладь как лезвие. Белый корпус был перечеркнут тремя сине-бело-красными полосами. Под иллюминаторами на нем были заметны пятнышки ржавчины.

Полина Бертон прошла в кубрик. Там стояли две банкетки, обитые потрескавшимся кожаменителем, и стол из какого-то материала «поддерево».

– Что конкретно произошло? – спросил Барон, решивший больше не ждать.

– Несчастный случай из-за декомпрессии. Пузырек азота попал ему прямо в мозг. Он все еще в коме. Врачи говорят: прогноз неясен. Выживет ли он, неизвестно.

– Почему вы думаете, что на самом деле это не был несчастный случай?

Полина посмотрела в сторону корабельного мостика, желая убедиться, что никто их не слышит.

– Реми был лучшим ныряльщиком среди нас, намного лучше всех остальных. И он не из тех, кто паникует по пустякам. Когда я проходила в том месте, где он надул свой стабилизирующий жилет¹², в воде еще не было осадка.

---

¹² Стабилизирующий жилет – надувной жилет, что-то вроде спасательного круга, который позволяет ныряльщику без труда держаться на поверхности воды или

Она говорила о микрочастицах глины, слой которых, как ковер, покрывает дно подводных проходов. При любом неверном движении ныряльщика они могут всплыть, и вода станет такой мутной, что ничего нельзя будет увидеть. Это одна из самых страшных опасностей для ныряльщиков.

– Реми потерял одну ласту, – тихо добавила Полина. – Страховочный трос – «нить Ариадны» – обрезан...

Де Пальма вынул блокнот из кармана куртки и спросил:

– Вы знаете историю пещеры Ле-Гуэн?

– Думаю, что да: я исследую ее уже несколько лет.

– Я имел в виду ее современную историю.

– Что вы хотите этим сказать?

Де Пальма повернулся в сторону мостика. Стоявший там член команды только что ушел со своего поста, и теперь они были одни в этой части судна.

– Кристина Отран и ее брат Тома. Эти имена вам о чем-нибудь говорят?

– Крестину Отран в мире доисторических исследований знают все. Это же любимица, а может быть, даже любовница Палестро! Она была моей преподавательницей. Я читала ее работы. Должна сказать: они написаны блестяще. И разумеется, я слышала об ужасных событиях, которые произошли в этой пещере. Я тогда работала на раскопках в Арьеже. О брате я ничего не знаю.

Де Пальма помедлил перед тем, как задать новые вопро-

сы. Когда случилось несчастье, Полина Бертон сообщила об этом в морскую жандармерию. Дежурный офицер, старый полицейский, был настроен скептически и не принял всерьез ее слова о возможной засаде, хотя и составил протокол.

Но Полина не сдалась. Придя домой, она сразу же включила компьютер и вошла в Интернет. Во многих статьях, посвященных делу близнецов Отран, была упомянута фамилия де Пальма, и Полина, преодолев свое отвращение к полиции, обратилась в бригаду уголовного розыска.

– Вы думаете, что Реми Фортен чего-то испугался? – спросил Барон.

– Да.

– Почему вы так считаете?

– Когда его обнаружили, на нем не было одной ласты. И он потерял свой нож.

– Свой нож?

– У него всегда был с собой укрепленный на икре кинжал ныряльщика. Почему он вынул его из ножен, непонятно?

– Допустим, чтобы перерезать «нить Ариадны»!

– Тогда почему он его потерял?

Де Пальма настаивал:

– Значит, вы делаете из этого вывод, что перед несчастным случаем он пользовался этим кинжалом – несомненно, чтобы защитить себя. Но ведь можно предположить, например, что одна из ног Фортена запуталась в страховочном тросе. Он пытается освободиться, теряет ласту, а потом пере-

резают трос. Или могла быть какая-то неполадка в клапане, плохая работа вентиля, сбой в оборудовании.

– Вы сами не верите в то, что говорите! На этой пещере лежит какое-то проклятие!

Вошел молодой человек и положил на стол несколько белых коробок. Должно быть, студент или один из многочисленных добровольцев, которые обычно работают на раскопках. Де Пальма мысленно сфотографировал его по маниакальной привычке полицейского, который приучен всех подозревать.

– Это ценнейшие находки! – объявила Полина. – Новые угли; им, несомненно, больше тридцати тысяч лет. Мы проведем с ними серию анализов. Это второй набор углей, и он интереснее первого.

Ее взгляд с нежностью остановился на черных кусках угля, которые ничего не значили для непосвященных. В специализированных изданиях скоро будут напечатаны большие статьи о датировке этих находок и о топографических снимках, сделанных исследователями доисторической эпохи. В журнале «История» работы Полины публиковались на самых видных местах.

– Через три недели я ухожу на пенсию, – сообщил ей де Пальма. – Честно говоря, я не знаю, смогу ли я быть вам чем-нибудь полезен. Я всего лишь майор, который скоро сложит свои полномочия.

– Вы можете сделать много, – возразила Полина. – Реми –

не жертва несчастного случая. Я еще не все вам рассказала.

Раздался приглушенный гул двигателей, потом лязг железа. Корабль завибрировал. Член команды на мостике начал маневр для выхода из каланки Сюжитон. Вокруг винта вспенилась вода.

– Есть еще фотографии, – продолжала Полина. – Снимки, которые Реми сделал перед несчастным случаем и не сказал мне об этом. Фотоаппарат вернулся к нам совершенно целым: Реми положил его в герметичный футляр.

– Могу я посмотреть на эти фотографии?

– Да, но надо пройти в лабораторию.

Они только что миновали мыс Моржиу, освещенный последними лучами солнца. Чуть дальше была видна более темная остроконечная вершина Горы Чудес. Студент вернулся в кубрик, сел на одну из банкеток и сказал:

– Снаружи холодно.

– В середине декабря это нормально, разве не так? – заметила Полина.

Несмотря на несколько морщин, которые постоянные погружения оставили на ее коже, ее лицо было красиво, и эта чистая красота тронула душу де Пальмы. Ему нравились женщины, которые совершают безумные поступки – например, ныряют зимой в холодную воду этих бухт, чтобы спасти угли от костра, которые оставил после себя какой-то крома-ньонец.

Они миновали мыс Круазетт и вошли в огромный Мар-

сельский залив, воду которого мистраль бороздил, словно плуг. «Археонавт» взбирался на гребни волн и вздрагивал от их ударов по левому борту. Казалось, море населяет множество теней, чье поведение невозможно предсказать. Они поднимаются вверх на белых гребнях, а потом исчезают в черных провалах. В той стороне, где стоит на острове замок Иф, возникла огромная масса железа и света – тунисский грузовой паром «Ибн Зайед», который плыл в Ла-Гулетт.

«Археонавт» причалил к берегу возле таможенного поста, в двух шагах от квадратной башни форта Сен-Жан. Де Пальма сошел на берег и подождал, пока Полина Бертон тоже покинет корабль. Мелкие волны докатывались сюда через пролив Сент-Мари и бились о скалы, покрытые красными водорослями, у подножия крепостных стен. На набережной старый араб из племени шейбани, кутавшийся в плащ с капюшоном, закинул в воду две удочки.

– Клюет? – спросил у него де Пальма.

– Чуть-чуть: слишком холодно, – ответил старик и стер рукой каплю, висевшую на кончике носа.

Лаборатория по изучению доисторических древностей размещалась на самом верху крепости, в старых зданиях сероватого цвета, принадлежавших флоту. Подходы к ней загромаждали толстые доски, брус и другой строительный материал: здания ремонтировали, и ремонту не было видно конца.

Полина Бертон и де Пальма прошли в ту комнату, где хра-

нились находки, обнаруженные в пещере Ле-Гуэн. Здесь на железном столе лежал череп без челюсти.

– Возьмите себе стул. Можете отодвинуть все, что вам мешает, – сказала Полина.

Штабеля папок и научных журналов поднимались до самого потолка. К пробковой доске была приколота фотография вдавленного отпечатка ладони. Было видно, что ее большой палец отрублен.

– Любопытный отпечаток! – сказал Барон. – Сейчас вы поймете, почему он меня заинтересовал. Для этого надо вернуться немного назад и поговорить о деле Отранов, чтобы вы хорошо поняли некоторые подробности.

Он показал Полине фотографию, взятую в службе криминалистического учета, – самую пригодную для показа из всех, которые были в деле Отранов. Ее рот искривился от отвращения, когда она увидела странную подпись убийцы, которую полиция обнаружила рядом с трупами женщин, – лист бумаги и на нем отпечаток ладони. Полина не заметила, что отпечаток был точно такой же, как тот, который был изображен на фотографии, висевший у нее на стене.

– Я так и не смог узнать, какое значение Тома Отран приписывал этим отпечаткам.

– Я не знаю, есть ли в этом какой-то смысл, но думаю, что для него был, – ответила Полина. – Его сестра написала несколько замечательных статей о символике этих ладоней. Правда, это были лишь теории, которые еще следовало про-

верить. Она считала, что в этих пещерах древние лекари собирали какие-то вещества.

– Какие вещества?

– Например, «лунное молоко». Так называют карбонат кальция – вещество, которым покрыты стены пещер и сталактиты. Это что-то вроде концентрированного кальция. Порошок из него – сильное средство против некоторых болезней, особенно хорошо помогает при заболеваниях костей. Также говорят, что этот порошок способствует появлению молока у беременных женщин... Конечно, в наши дни кальций хорошо известен, но в те времена...

Кристина Отран предположила, что пещера Ле-Гуэн была местом совершения магических обрядов, и высказала догадку, что шаманы мадленской культуры давали своим пациентам «лунное молоко», а также другие вещества. Скорее всего, они верили в то, что порошок из «лунного молока» имеет магическую силу.

Полина Бертон подошла к железному шкафу, открыла его и сказала:

– А теперь я должна вам кое-что показать.

Она вернулась к столу с маленьким плоским компьютером и положила его на свой письменный стол.

– Вот оно, – произнесла она, включая сенсорный экран.

Касаниями пальца она стала выводить на экран значки и наконец остановилась на нескольких фотографиях. Два первых снимка всего лишь запечатлели общий вид просторной

пещеры с довольно низким сводом. На третьем – изображены огромные сталагмиты, а в углу скалы были видны два негативных отпечатка ладони.

– А вот то, что вызывает у меня больше всего любопытства, – пояснила она. – Вы видите эту тень?

В глубине карстового провала была ясно видна огромная фигура – две руки, две ноги и громадное туловище. Конечности выглядели непропорционально длинными.

– Остерегайтесь ошибки! – заметил де Пальма Полину – Это может быть лишь эффект, созданный вспышкой. В этой пещере столько сталактитов странной формы! Если освещать их с разных точек, получится целый театр теней, одни чудовищнее других.

– Совершенно верно, – согласилась Полина. – Но это был последний раз, когда он нажал на спуск. Перед этим он сделал еще другие снимки.

Она вывела на экран очередную фотографию – блестящий сталагмит, к которому прислонен предмет, по форме похожий на ветку, длиной примерно двадцать сантиметров.

– Что это такое?

– Я сама хотела бы знать, что это!

Женщина выбрала еще один снимок и увеличила его. На фотографии четко выделились очертания статуэттки.

– У вас есть еще снимки?

– Всего снимков было шесть. Вот они.

Она вывела на экран еще несколько маленьких изображе-

ний. Все это были фотографии, сделанные с очень близкого расстояния.

– Знаете, месье де Пальма, я думаю, что сейчас у нас перед глазами одно из самых древних изображение человеческого существа – что-то похожее на получеловека-полузверя. Оно вырезано из конца бивня мамонта или из рога какого-то животного. Такие предметы часто встречаются в слоях верхнего палеолита, точнее, в граветтском слое.

Бертон выбрала снимок, где статуэтка была показана в профиль, и увеличила его. Шея и грудь фигуры были прекрасно обработаны. Нижняя часть лица имела форму морды, глаза – едва намечены. Над лбом возвышались рога со множеством отростков.

– Совершенно ясно, что это мужчина с головой оленя, сверхъестественное существо. Мы до сих пор никак не можем осознать, что люди граветтской культуры были способны создавать такие изящные вещи.

– Это важная скульптура? Я хочу сказать – важная в символическом смысле, – спросил Барон.

– Разумеется, да... Она явно имеет магическое, а также мифическое значение. В Греции был охотник Актеон, которого Артемида превратила в оленя. У кельтов был Кернунн – бог с оленьими рогами... Это древний персонаж, снова и снова возникавший в истории развития цивилизаций, пока иудеохристианский миф не одержал победу... Когда-то исследователи уподобляли его дьяволу. Похоже, что олени счи-

тались царями зверей. Вспомните про головы добытых на охоте зверей, которыми охотники украшают свои столовые. В этом мы недалеко ушли от охотничьей магии. Кристина Отран говорила, что шаманы обращались с заклинаниями к оленям – нашим европейским или, может быть, северным, – чтобы приобрести магическую силу этого бога.

– На основании чего она это говорила?

– На основании того, что во всех пещерах, где есть росписи, встречаются рисунки оленей... Но это лишь толкование.

– А эта статуэтка?

Полина на несколько секунд задержала дыхание, потом сказала:

– Я никогда ее не видела и никогда не слышала о ней.

– Значит, это очень важная вещь!

– Разумеется. Я даже сказала бы, крайне важная! Иначе зачем бы Реми сфотографировал ее?

– Вы уверены, что она настоящая?

– Как ученый, я отвечаю «нет», потому что не осматривала ее. Но как человек, который доверяет Реми, я, разумеется, говорю «да».

Она выключила компьютер и положила его в один из ящиков письменного стола.

– Такие статуэтки – самые ранние изображения людей. В наскальной живописи преобладающий мотив – животные, их изображали гораздо чаще, чем все другое.

– Как вы думаете, этот человек с оленьей головой лежит

в пещере Ле-Гуэн с древнейших времен?

– Вы задали очень хороший вопрос. Нет, я так не думаю.

– Почему?

– Видно, что статуэтка отреставрирована. Их никогда не находят в таком состоянии. В большинстве случаев такие вещи лежали под многометровым слоем земли или отложений.

Исследовательница сняла с полки толстую книгу – огромное исследование, посвященное статуэткам, обнаруженным в крошечной деревне Брасемпуи в Ландах. Иллюстрации были старые. Двое мужчин с усами и в круглых очках позировали на месте работ, перед землекопами, которые опирались на черенки лопат. Мужчины расчищали две палеолитические стоянки – Галерею Гиен и Пещеру Папы, две золотые жилы для ученых, расположенные на расстоянии около ста метров одна от другой.

Пещеру Папы с конца XIX века изучал местный эрудит Пьер-Юдокс Дюбален, а затем, на рубеже XIX и XX веков, Эдуард Пиетт. Эти ученые не вели раскопки так, как сейчас, они использовали в работе лишь лопаты и тачки. Эдуард Пиетт нашел много фрагментов женских статуэток, а также целую фигурку – «Даму с капюшоном», самое древнее изображение человека. Пять сантиметров в высоту и около трех в ширину... Пропорции головы совершенно нечеловеческие. У людей не бывает такого черепа! Лоб, нос и брови изображены рельефно, но рта нет. Однако, когда смотришь на «Даму», кажется, что у нее есть губы. Глаз нет, есть только рес-

ницы, но, несмотря на это, лицо улыбается. Сейчас «Дама с капюшоном» выставлена в Национальном музее древностей в Сен-Жермен-ан-Ле.

– Есть ли какие-то теории о том, что означают эти скульптуры?

– Многие ученые задают себе этот вопрос, особенно по поводу женских статуэток. Некоторые говорят, что это девы, по образу матери Христа. Другие утверждают, что это жрицы. Точно ничего не известно. Самое большее, что мы можем, – предположить, что разгадку подскажут сравнения из области этнографии. Еще не так давно у сибирского народа тунгусов некоторые шаманы надевали костюм оленя для обрядов ясновидения или исцеления. По аналогии с современностью исследователи предполагают, что эти статуэтки могли также использоваться шаманами. Но не все с этим согласны.

Де Пальма помолчал несколько минут: в его голове возникло тревожное воспоминание. В свое время Кристина Отран опубликовала статью о загадочных символах граветтской и мадленской культур.

Это была большая работа. Она называлась «Время магов»!

– Папа, как ты думаешь, я могу вылечиться?

– Да, сын. Сильная воля побеждает все.

– Воля?! Что может воля против сумасшествия?

В начале осени у Тома уже был припадок. Тогда его отвезли в больницу и заперли в палату для буйных, чтобы он успокоился. Он плохо понимал, зачем это было нужно.

Почему его держат в этой палате?

Почему оставили одного?

Матрас на полу, поверх него – одеяло в красную и синюю клетку. Рядом – смешной плюшевый медведь, похожий на того, который в телепередаче улетает на облаке вместе с феей Пимпреньель. Тома ненавидит музыку из этой передачи, потому что от этих звуков ему становится страшно.

Желтые стены слабо блестят в ровном свете неоновой лампы. В стенах палаты всего одно отверстие – полукруг, закрытый ярко-красной бумагой. В центре бумаги беловатая полоса – отражение лампы. Если смотреть снизу, это похоже на уличный знак «проход запрещен».

Тома пытается уснуть, но не в силах отвести взгляд от этого сигнала. Знак, за который никто не может пройти. Так жить невозможно.

Ему запрещают жить в том мире, который остался снаружи.

Отец объяснил ему, что означают дорожные указатели. Когда они идут вверх по проспекту Прадо, то устраивают игру: кто первый скажет, как называется знак, попавшийся навстречу? Знак «проход запрещен» пугает Тома больше всех указателей. Тома сказал об этом врачу, но тому было наплевать на это.

Через несколько дней после припадка Тома вышел из флигеля для буйных сумасшедших. Лицо у него было похоже на восковую свечку, а руки словно из мрамора – кожа прозрачная, а под ней серые вены.

У его матери не хватило мужества прийти навестить его. Мать больше его не любит.

– Папа, как ты думаешь, я могу вылечиться?

– Да, сын. Сильная воля побеждает все.

Папа сел на край кровати и погладил ему волосы своими сильными пальцами.

– Сегодня ночью я видел странный сон, – сказал Тома.

– Не расскажешь ли его мне? – попросил отец.

Тома тоже сел в кровати, оперся спиной о большую подушку. За стенами в ветвях больших дубов, растущих в парке, свистел ветер.

– Мне снилось, что я нахожусь возле огромного моря, на ровном песчаном берегу, где росло несколько тощих деревьев... Еще там росла тонкая золотистая трава... Было холодно. Утесы выглядели гладкими. В центре песчаного пляжа голый человек раздувал огромный костер. Я подошел к этому человеку. Он сначала улыбнулся мне, а потом ударил, очень сильно. Я упал, и моя душа отделилась от тела.

Тома опустил голову. Большая уродливая морщина пересекает его лоб. Отец берет за руку и сжимает ее, чтобы успокоить.

– Тогда голый человек разрубил на куски мое тело и бросил обрубки в огонь. Мое тело вспыхнуло, затреещало в огне, большой столб черного дыма поднялся к небу. А потом этот человек сказал мне: «Теперь ты стал пылью. Можешь ты сосчитать эту пыль? Можешь ты сосчитать части своего тела и ощупать свою плоть?» Тогда подул ветер, и пепел костра разлетелся по траве.

– Твое тело улетело вместе с дымом! – удивился отец, и его глаза широко раскрылись.

– Да. А потом человек начал петь и танцевать среди пепла. От его движений поднялся вихрь, частицы пепла собрались вместе, и из них снова сложилось мое тело. Не было только головы. Мне снилось, что вместо нее возник высохший череп, который голый человек держал в руках. Он снова нарастил на черепе мясо, а потом вырвал из нее мои глаза и заменил их глазами птицы, живущей на утесах.

– Птицы, живущей на утесах? – изумился отец.

– Тот человек сам сказал мне об этом! А потом добавил: «Теперь ты будешь видеть истинную суть всех вещей».

– А что было после этого?

– Он проколол мне барабанные перепонки и сказал: «Теперь ты будешь понимать язык всех животных и всех растений».

*Центральная тюрьма города Клерво**4 декабря*

Раздался звонок. Этот звук вылетел из мастерских и разбился о наружные стены тюрьмы. Хмурый и холодный рабочий день закончился.

Тома Отран просунул обе ладони между прутьями решетки и окинул взглядом мышцы рук, которые напряглись под тонкой и гладкой кожей. Он несколько раз сжал кулаки, а потом рывком расправил мощные пальцы. В последнее время он увеличил время своих занятий гимнастикой. Теперь он каждый день три часа отжимался и подтягивался в камере и еще два часа упражнялся в спортзале.

По другую сторону огромной тюрьмы расстилась покрытая инеем сельская местность. Отран долго и внимательно смотрел на поля, возвышавшиеся над дорогой. Он провел в заключении уже шесть лет. Терпел ледяной холод по утрам; работал в мастерских, делая тряпичные туфли или разбирая на части электросхемы. Тюремный двор был огорожен стенами, и стояли наблюдательные вышки, похожие на капитанские мостики. На вышках виднелись грубые силуэты охранников со снайперскими винтовками.

Сейчас тюремный двор был пуст. В центре главной аллеи стоял маленький памятник мученикам тюрьмы Клерво –

надзирателю Ги Жирардо и медсестре Николь Конт, которых убили заключенные Клод Бюффе и Роже Бонтан во время захвата заложников в мае 1972 года.

Из тюрьмы Клерво убежать было невозможно. Отсюда никто никогда не убегал. Такая это тюрьма.

Внезапно окошко в двери камеры открылось.

– Тома Отран, в читальный зал!

– Да.

В центральной тюрьме двери камер не запирали, и заключенные могли ходить по ней куда и когда хотели. Для большинства из них наказание должно было продолжаться всю жизнь. Но Отран был под особым наблюдением. Такая отметка в документах пугала надзирателей. Отран сам попросил, чтобы его камеру закрывали на замок. Пусть он будет заперт, замурован в холодном одиночестве. Все шесть лет, что он находился в центральной тюрьме, он ходил в читальный зал – каждый день, в одно и то же время. Это был единственный путь бежать от тюремной жизни! Книги открывали ему огромный мир, который был больше, чем сто материков.

Один за другим защелкали замки, и в проеме двери, на белом фоне, возник силуэт охранника – белобрысого парня, не умевшего носить мундир.

– Ты идешь, Отран?

– Да.

В читальном зале стояло много столов из огнеупорного пластика; их отделяли один от другого стеллажи с книгами.

На этой неделе тюремная больница организовала здесь маленькую выставку, посвященную СПИДу: несколько плакатов по поводу его профилактики, один или два журнала с информацией. В каждом углу зала стояла корзина с презервативами. Мартини, заключенный из 18-й камеры, взял их целую горсть и засунул в карман штанов.

– Что ты с ними будешь делать? – заорал Жиль, пожизненный заключенный, которого главный врач постоянно пичкал успокоительными.

– Надену, когда буду трахать тебя в ж...у, педик!

Жиль замахнулся на него кулаком, а кулак этот был похож на кувалду.

– Тихо, Жиль! – крикнул охранник и поднял руки, призывая к спокойствию. – А ты, Мартини, убирайся обратно в камеру!

– Все нормально, начальник.

Тома Отран уткнулся взглядом в то, что читал, и старался не обращать внимания на эту сцену.

– Возвращайся в камеру, Мартини, – повторил охранник.

Жиль вскочил на ноги так резко, что уронил стул и далеко отшвырнул от себя книги. Отран стиснул зубы. Если бы его мозг был электросхемой, ее провода сейчас трещали бы от коротких замыканий. Он повернулся к прилавку с газетами и журналами: он всегда так делал перед тем, как начать читать что-то новое. В «Монд», судя по заголовкам, писали о жертвах последней волны холода и о встрече на высшем уровне

стран «двадцатки». В «Матч» поместили фотографию Алена Делона с молодой женой, которая повисла у него на шее, и в овальной рамке портрет бомжа, погибшего от холода на площади Согласия в Париже. Отран переводил взгляд с одного заголовка на другой и наконец остановился на том, который увидел в журнале «История».

ПЕЩЕРА ЛЕ-ГУЭН

Несчастный случай с тяжелым исходом нарушил ход исследований

В центре журнала была помещена фотография входа в пещеру.

В статье было сказано:

«Узнаем ли мы когда-нибудь причину ужасной драмы, жертвой которой стал Реми Фортен? Что это было – несчастный случай из-за декомпрессии? Паника? На глубине меньше тридцати восьми метров даже самая мелкая проблема может привести к катастрофе...»

Дойдя до этого места, Тома перестал читать дальше. Все смешалось в его голове. Эта новость перевернула все его нутро. Ладони его дрожали, и он уже не мог остановить эту дрожь. Читальный зал качался у него перед глазами.

– Это знак! – пробормотал он.

– Какой знак?

Тома как можно шире раскрыл глаза и увидел, что перед ним стоит тюремный надзиратель с лицом, похожим на лицо

цыпленка.

– Что-нибудь не так, Отран?

– Нет, начальник. Все хорошо.

Голос Отрана, когда он произнес эту фразу, дрожал и был еле слышен, как у больного ребенка. Тома подождал, пока охранник вернется к своему чтиву. Камера наблюдения была у Тома за спиной, и в нее нельзя было увидеть его ладони. Он медленно вырвал одну за другой нужные страницы из журнала и спрятал их под рубашкой.

– Это знак...

В клинике Ля-Тимон Реми Фортена перевели в палату интенсивной терапии для только что пришедших в сознание больных. Его состояние было стабильным. Пузырьки азота, которые сдавливали его мозг, рассосались, но успели нанести повреждения, и теперь Фортен был почти полностью парализован. Он мог слышать, но не мог ответить: он был не в состоянии произнести даже самое короткое слово и тем более не мог объясняться знаками.

Посещение больных прекращалось ровно в двадцать часов. Де Пальме пришлось очень постараться, чтобы убедить персонал клиники пропустить его и Полину.

– Мы можем с ним поговорить?

– Ему сейчас полезны любые стимулы, – ответил главный врач отделения. – Пока он может шевелить только веками.

Они прошли по длинному коридору. Больные ждали ужина, и посетители невольно морщили нос от запаха кислого супа и слишком долго варившегося мяса. Заведующий отделением остановился перед палатой 87.

Дверь была открыта. Полина вошла в нее первой и медленно приблизилась к кровати. Желая скрыть свои чувства, она притворялась спокойной. Ярко блестящие глаза Фортена были единственной движущейся частью его словно высеченного из мрамора лица. Их взгляд следовал за гостьей.

Фортен был высокого роста, с широкими плечами, волевым подбородком и мускулистыми руками. Такого непросто было вывести из равновесия.

– Я рада видеть, что ты вышел из тяжелого состояния.

Врач говорит: ты понимаешь то, что тебе говорят.

Фортен закрыл и снова открыл глаза.

– Как ты себя чувствуешь?

Он два раза моргнул глазами, потом перевел взгляд на де Пальму.

– Это полицейский, он пришел со мной.

Во взгляде Фортена отразилась тревога. Он моргнул несколько раз; движения век были быстрые и резкие.

– Не согласишься ли ты ответить на наши вопросы, Реми? Нам бы очень хотелось понять, что произошло. Если ты согласен, моргни два раза, если нет – три раза.

Веки опустились два раза. Полина повернулась к де Пальме.

– Здравствуйте, Реми. Я Мишель де Пальма, майор из бригады уголовной полиции. Я здесь неофициально. Полина думает – и я с ней согласен, – что несчастье, случившееся с вами, имело не ту причину, которую можно предположить, то есть произошло не оттого, что такое погружение опасно. Ошибаемся мы или нет?

Фортен моргнул три раза.

– Несчастный случай произошел после того, как вы оказались у входа в пещеру?

Больной подтвердил это.

– Вы сами перерезали «нить Ариадны»?

Фортен ответил не сразу. По его глазам было видно, что в его уме кружатся какие-то воспоминания. Наконец он опустил веки два раза.

– Почему? Что-то тянуло вас назад?

Фортен ответил «да».

– Вы видели это «что-то»?

«Нет», – ответил он.

– Вы не думаете, что трос мог зацепиться за скалу и удерживать вас?

Фортен без колебаний снова ответил «нет».

– Вы боролись с кем-нибудь?

На глазах Фортена выступили слезы. Его взгляд словно сверлил потолок.

– Вы боролись против кого-то или чего-то?

Веки Фортена опустились два раза, потом кожа на его лице напряглась и задрожала. Вмешался заведующий отделением:

– Пора закончить беседу, он еще слишком слаб.

– Когда мы сможем вернуться? – спросила Полина. – Нам нужно задать ему крайне важные вопросы и показать фотографии.

Лицо врача стало суровым.

– Если вопросы такие же, как эти, то не раньше чем через неделю. Стресс может быть очень опасен для него в его те-

перешнем состоянии.

– Понятно.

Когда они вышли в коридор, де Пальма отвел врача в сторону.

– Были у него на теле следы ударов? Синяки, например?

– Нет, ничего такого не было. Но он был одет в костюм ныряльщика, причем зимний, то есть толстый, который мог смягчить удары.

По коридору прошла медсестра. Она вошла в палату Фортена, там погас свет, затем она вышла.

– Ничего больше я не могу вам сказать, Выходя из больницы Ля-Тимон, Полина остановилась и постояла несколько секунд, полной грудью вдыхая холодный воздух.

– Он лишь подтвердил то, чего я боялась, – сказала она.

– Я озадачен, – признался де Пальма. – Фортен потерял нож – это говорит в пользу того предположения, что он боролся. Но с кем он мог бороться? Кто-то ждал его у входа в пещеру?

– Возможно! – ответила Полина.

«Может быть, это кто-то из вашей команды», – подумал де Пальма и спросил:

– Пещера охраняется по ночам?

– В принципе да.

– Что значит «в принципе»?

– Охрана есть, но не всегда. У нас нет возможности все время стеречь вход или обратиться в охранную службу.

– Сегодня вечером, например, вход охраняют?

– Сегодня нет: из-за этого несчастного случая у нас все вверх дном. Но завтра он снова будет под охраной.

– Кто обычно этим занимается?

– Реми.

Полина взглянула вверх, на свет в окнах верхних этажей, и добавила:

– Это было у него настоящей страстью. Он ночевал на командном пункте, а иногда даже в пещере.

Де Пальма жил в двух шагах от клиники Ля-Тимон. Расставшись с Полиной, он залез в свою «Джувьетту» и поехал обратно по длинному, окутанному темнотой бульвару, вдоль кладбища Сен-Пьер – самого большого некрополя в Марселе. Его квартира находилась в квартале Ла-Капелет, в домовладении «Поль Верлен». В этом домовладении были: парковка для автомобилей, несколько приморских сосен и иудейских деревьев¹³ и три кубических бетонных здания, поставленные посреди сада, который когда-то принадлежал существовавшему здесь раньше монастырю Сестер Видения. Улицы Ла-Капелет носили имена коммунистов, бойцов Сопротивления, депортированных или убитых немецкими оккупантами: когда-то коммунистическая партия была могучей силой в этом квартале бедноты. Но после того, как завод по производству игральных карт, мастерские по изготовлению пробковых шлемов и сталелитейные заводы уехали отсюда, коммунистов здесь почти не осталось. Последние пролетарии, оставшиеся в квартале, по политическим взглядам были скорее фашистами.

Де Пальма родился в Ла-Капелет и был уверен, что нико-

---

¹³ Иудейское дерево – так называют багряник – кустарник или низкорослое дерево с красивыми цветами розового, розовато-лилового или красного цвета, распространенный в Палестине и на юге Европы. Научное его название – церцис.

гда не уедет жить в другое место. Его удерживала здесь не любовь и не верность, а грусть о прошлом.

Он выполнил отработанный до мелочей ритуал: открыл дверь своей квартиры, положил пистолет на круглый столик рядом с телефоном и недоставленной почтой и перешел в гостиную: ритуал завершился музыкой. Полицейский вставив в дисковод диск с записями Жоржа Тиля. Время оставило царапины на сладковатом голосе знаменитого тенора.

– У тебе нет ничего поновей? – крикнула из кухни Ева.

Де Пальма поднял к небу взгляд, полный отчаяния. С тех пор как он стал жить с Евой, ему разрешалось уделять ностальгии так мало минут.

– Это был величайший из французских певцов! Никто никогда не пел Вертера так, как он! Послушай эту фразу!

На пороге появилась Ева. Она была без косметики на лице, что с ней случалось редко.

– По-моему, его очень высоко ценил мой прадедущка. И ты тоже! Увы!

Де Пальма обезоружил ее улыбкой, а потом пропел под музыку:

Зачем меня ты будишь, весенний ветерок?

Завтра путник пройдет по долине,

Вспоминая о моей прежней славе.

Ева вернулась в кухню. Де Пальма пошел за ней и сказал:

– На днях мы сходим послушать «Вертера». Это очень ро-

мантичная вещь, и она тебе понравится.

– Для меня немного старовато, – возразила Ева.
Де Пальма прошептал ей на ухо:

Твои пальцы ласкают мой лоб,
Но очень скоро настанет
Время бурь и печалей!

– Должна признать, что это красиво. Правда, не очень радостно, но от тебя нельзя требовать много.

Ева и теперь оставалась красивой. Брюнетка с колдовскими глазами. Ее взгляд был то веселым, то шаловливым, то колким – в зависимости от ее настроения. Де Пальма в первый раз обнял ее в кинотеатре «Руаяль», расположенном в конце проспекта Капелет, во время роскошного итальянского фильма на античный сюжет (название фильма он забыл). Теперь в этом здании был многоэтажный гараж. Не будет больше натертых маслом гладиаторов и ковбоев в шляпах! Дорогу быстрой смене масел и прокладок! Напротив «Руаяля», на месте сталелитейных заводов, муниципалитет построил гигантский каток.

Когда-то Мишель, случайно встречаясь с Евой на выходе из колледжа, каждый раз нес за ней портфель и бился с ней об заклад, кто первый засмеется. Их путь проходил мимо угасающих заводов, из которых теперь не осталось почти ни одного, и заканчивался на улицах с низкими домами. На этих улочках до сих пор можно было встретить двух-трех стару-

шек, которые болтали между собой о каких-то пустяках на смеси французского языка и неаполитанского диалекта. До сих пор здесь пахло готовящейся едой, помидорами и чесноком и звучали охрипшие старые записи любимых мелодий.

Как только закончилось детство, Мишель и Ева потеряли друг друга из виду. Ева не простила ему ни отъезд в Париж, ни работу там в управлении полиции на набережной Орфевр, 36, ни женитьбу на Мари.

А жизнь де Пальмы была похожа на плавание по морю при качке, пока Ева снова не возникла перед ним на другом конце этой жизни. Он пропел:

– Напрасно глаза его будут искать великолепии и блеск.
Они увидят лишь траур и нищету. Увы!

Ева не захотела подобреть – пока нет. Она отвернулась от Мишеля и бросила в гусятницу две мелко нарезанные луковички и несколько кусков бараньего плеча. Затем, потушив мясо и лук несколько минут, посыпала их корицей, имбирем и шафраном.

– Что это ты готовишь?

– Мясо в горшочках.

– Потрясающе!

Ева опустила в гусятницу деревянную ложку и стала энергично размешивать кушанье. По мнению де Пальмы, Ева забавно выглядела в фартуке с узором в мелкий цветочек, как

у старых бабушек. Она постриглась по-новому, и эта прическа подчеркивала изящные линии ее затылка. На каждой щеке лежала изогнутая прядь, похожая на черную запяточку.

– Где ты был? – спросила Ева.

– Работал. А ты?

– Тоже были дела по работе. Не хочу о них говорить.

Она попробовала соус.

– Теперь я накрою это крышкой и буду тушить на медленном огне.

Де Пальма пристально посмотрел на Еву. Выражение его лица изменилось. Ева догадалась, что его что-то тревожит.

– Лучше скажи мне, что происходит.

– Я чувствую: скоро случится что-то нехорошее.

– Это неудивительно: такая у тебя профессия.

Ева всегда умела читать мысли Барона по его глазам. Сейчас она догадывалась, что его душа почти опустошена.

– Что значит «нехорошее»?

– Это очень смутное ощущение: я вдруг почувствовал, что потерял душевное равновесие. Говорят, что жизнь посылает людям сообщения, смысл которых так же ясен, как смысл иероглифов. Но если человек не Шампольон¹⁴, он не сумеет их расшифровать. А хуже всего то, что, если даже сумеет, все равно опоздает что-то предпринять.

– Ты слишком долго жил на границе с темной стороной

---

¹⁴ Шампольон Жан-Франсуа (1790–1832) – знаменитый французский ученый, расшифровавший древнеегипетские иероглифы.

мира. Пора вернуться на свет.

Жорж Тиль начал серенаду Фауста:

Привет тебе, целомудренный чистый приют...

Где ощущаешь присутствие невинной души...

Ева перестала говорить и стала слушать эти старинные воркующие рулады. Мелодия тронула ее душу, но еще сильнее растрогали чуть-чуть слащавые слова о том, на что способен мужчина, чтобы обольстить женщину. Иногда ей казалось, что музыка оперы немного похожа на те мелодии, которые баюкали ее в детстве, – на шлягеры прежних эстрадных певцов с завитыми волосами. Де Пальма вынул диск до того момента, как дьявол вышел на сцену и разбил жизнь Маргариты.

– Сегодня днем звонила Анита, – сказала Ева.

Отношения Евы и ее единственной дочери Аниты были бурными и шумными, как мистраль. Стоило одной сказать хоть слово наперекор другой, сразу поднималась буря. В этот раз Анита позвонила матери, чтобы сообщить, что беременна уже два месяца. В принципе такая новость должна бы стать великой радостью, но будущий отец был далеко не идеален – любил передачи на средних волнах больше, чем следует разумному человеку, ездил на черном БМВ и знал, как можно улучшить повседневную жизнь с помощью хитрых уловок. Он был вульгарным – шесть колец на пяти пальцах! –

и гордился своей вульгарностью. Гнев Евы был ужасен. Она грубо ответила дочери, о чем теперь жалела.

Де Пальма решил, что он – человек другого времени, когда люди не попадали в такие истории, к тому же у него есть более важные дела, и поэтому удалился на цыпочках. Одна мысль сверлила его мозг. Он открыл большой стенной шкаф в коридоре и разыскал среди тысячи вещей, которые забросил в глубину этого шкафа, прогулочные ботинки, которые не надевал уже много лет. Ботинки по-прежнему были ему впору, и это успокоило де Пальму.

– Куда ты идешь? – поинтересовалась Ева.

– Мне сегодня вечером надо выйти из дома.

– Ты хочешь сказать – сегодня ночью.

– Да.

– И куда ты пойдешь?

– В каланки, в пещеру Ле-Гуэн. Я там пробуду недолго.

Ева сняла фартук и швырнула его на стол.

– Некоторые люди говорят, что эта пещера приносит несчастье, – заметила она.

– И они не ошибаются!

– А что мне делать с ужином, который я готовила?

– Мы вернемся не очень поздно.

– Кто это «вы»?

– Местр и я.

Де Пальма смущенно улыбнулся Еве, и она сдалась во второй раз. Де Пальма и Жан-Луи Местр были самыми близ-

кими друзьям, почти братьями. Они познакомились в Париже, на набережной Орфевр, в полицейской школе. Местр уже три месяца был на пенсии. Барон позвонил ему по телефону.

– Жан-Луи, я хотел бы предложить тебе небольшую прогулку по каланкам.

– По бухте Сюжитон?

– Да.

– Когда?

– Уже сегодня вечером.

И де Пальма повесил трубку: Местр очень редко задавал вопросы. Он сразу говорил, согласен или нет, и решение всегда было окончательным.

– Объясни мне, по крайней мере, что у тебя за дело в Сюжитоне, – попросила Ева.

– Я хочу кое-что проверить. Хочешь пойти с нами?

Услышав это, Ева совершенно растерялась и бессильно опустилась на стул.

– По-моему, все это сплошной вздор, – заявила она.

Де Пальма подошел к ней, крепко обнял и ответил:

– Я считаю, что ты права; но я должен разобраться до конца в одном деле.

– До конца? Вы, мужчины, всегда хотите в чем-нибудь разобраться до конца. Как будто вам это велит сам Бог.

– Мне не дает покоя одна старая история.

– Дело Отранов.

– Да, оно. Я расскажу тебе о нем на днях.

– Не утомляй себя: я достаточно о нем знаю.

Ева приподняла прядь, падавшую на лоб Барона, и стал виден синеватый шрам в форме звезды перед самыми волосами.

– Это сделал тебе Отран?

– Да.

– Я надеюсь, ты не собираешься ему мстить?

Де Пальма помолчал, подбирая нужные слова. Потом ответил:

– Ты же знаешь, что нет!

– Я не совсем в этом уверена.

– Это было бы смешно и нелепо! Отран сидит в тюрьме!

– Ну и что? За этой новой историей явно стоит он, больше некому!

Луна отбрасывала длинные тени на молочно-белые поверхности скал, разрезавших море на части. Стволы сосен в дальних углах этих скал были похожи на тела чудовищ.

– Ты уверен, что сегодня ночью что-нибудь случится? – спросил Местр.

– Человек никогда ни в чем не может быть уверен! – ответил Барон и продел руки в лямки своего рюкзака. – Но он мог узнать, что мы недавно были в больнице. И ему известно, что сегодня вечером пещеру никто не охраняет. Завтра такого удачного случая у него уже не будет.

– Кто такой «он»?

– Ты что, совсем глупый? Это наш враг. Пока воображаемый персонаж, у нас есть только предположение, что он существует. Но надо же его как-то называть.

– Понятно...

Массивная фигура Местра выделялась черным силуэтом на фоне моря, которое сейчас цветом напоминало олово. Местр держался прямо, несмотря на ветер. В каланках для него не было тайн: он сотни раз бывал в этих бухтах со своими детьми.

В любую каланку можно попасть только тремя путями – по тропе, по морю или через перевал Ангела. В последнем случае надо спускаться по канату с высоты двадцать метров,

а это возможно лишь для того, кто уже имеет опыт таких спусков.

Несмотря на свою полноту, Местр чувствовал себя как дома в этой путанице обрывов, узких долин с крутыми склонами и извилистых троп. Он принес канат длиной шестьдесят метров.

– Я думаю о том, каким был этот мир тридцать тысяч лет назад, – заговорил де Пальма. – Море доходило до островов и даже дальше. Ты представляешь – здесь, где мы сейчас стоим, лежал снег! Здесь жили бизоны, мамонты и медведи.

– А теперь здесь живут только нудисты, которые воняют кремом от загара и живут только летом.

– Какой ты поэтичный! Я потрясен!

Они долго шли по гребням скал и наконец оказались возле остроконечной вершины Упавших камней. Слева от них был утес, а глубоко под ним пустынная долина. Струи воздуха поднимались над вершинами скал, как дым над крышами домов. Внизу билось о камни море. Здесь было оборудовано место, чтобы начать спуск по веревке: площадка, две скобы и цепь.

Де Пальма подошел к каменной стене. Его ноги дрожали. Черное ночное море было почти не видно – только клочки в просветах каменных сводов. Полицейский присел на уступ скалы, снял рюкзак, положил его рядом и вдруг выругал себя за то, что стар и не может победить свой страх. Местр был уже в нескольких сантиметрах от пропасти.

– Вернись! – попросил его де Пальма. – Ты нагнал на меня страха. Мы уже не в том возрасте, чтобы делать такие глупости.

– Вот как? Это что-то новое...

Сказав это, Местр подошел на несколько шагов к разлому, отделявшему их скалу от соседнего утеса, а потом перепрыгнул на его выступ. Отсюда ему была полностью видна маленькая Бухта Чуда.

Вдруг Местр тихо шепнул:

– Подойди посмотреть...

Де Пальма, чувствуя, как страх сжимает ему желудок, подошел как можно ближе. Его друг указывал рукой на маленький галечный пляж, находившийся на одной линии со входом в пещеру Ле-Гуэн.

– Вон там! – сказал Местр, показывая на едва заметное пятно света в воде.

– Это ныряльщик. Внизу кто-то есть.

Через несколько минут пятно превратилось в желтый, четко очерченный круг: ныряльщик поднимался вверх. Местр покинул свой наблюдательный пункт, отошел назад и взглянул на скобы.

– Ты сможешь спуститься? – спросил он де Пальму.

– По веревке?

– По-моему, это единственный способ, если только ты не решишь полететь.

– Можно пойти в обход.

– Я тебе напоминаю: мы здесь потому, что должны действовать незаметно. Это тайная операция. И сверхсекретная. Мы как герой Сопротивления Жан Мулен в стране крома-ньонцев. Если мы пойдем в обход, чтобы вернуться на тропу, водолаз увидит нас и удерет. Ясно?

– Сообщение принято, – буркнул в ответ де Пальма.

Местр открыл рюкзак, вынул оттуда канат и прикрепил его к цепи, потом наклонился вперед и широким мощным движением руки сбросил канат вниз.

– Подай мне пояс безопасности, – приказал он де Пальме.

– Мне страшно.

– Сейчас не время бояться. Ты уже делал это. Внизу то, что ты ищешь. Так что либо спускайся, либо иди назад домой попивать виски.

Никогда еще Местр не был таким властным. Он продел канат в крепление-восьмерку, которым был снабжен пояс, и отрегулировал лямки, чтобы они проходили между ногами. Барон не позволял себе думать ни о чем, только сжал правой рукой ближайший к нему конец каната, а левой – другой конец.

– В путь, великий Барон! Ступни плоские, туловище под прямым углом – как на тренировках.

– Я делал это в армии. Не гляди вниз, смотри только перед собой. Твои ступни сами найдут путь. И дыши свежим воздухом: дыхание – это важно.

– Ты похож на моего старшего сержанта. У него было про-

звище Бурда.

– На старт!

Де Пальма встал на краю пропасти и сделал первый шаг вперед. Это получилось так неуклюже, что он едва не соскользнул вниз и не повис над пропастью.

– Как следует раздвинь ноги, чтобы не крутиться на канате как сосиска.

– Хотел бы я посмотреть, как бы ты вел себя на моем месте!

Де Пальма почти без проблем сделал второй шаг, потом третий. На протяжении примерно десяти метров поверхность скалы была ровной, потом последовал широкий ступенчатый уступ, на котором росла сосна. Местр надел на себя такое же снаряжение, не теряя при этом из виду светящийся в воде круг. Круг не двигался: должно быть, ныральщику было нужно еще несколько минут, чтобы декомпрессия проходила без осложнений.

– Где ты, Мишель?

– Подхожу к уступу.

– Хорошо. Устройся там как следует и жди меня.

Всего за два прыжка Местр догнал Барона.

– Ты в порядке?

– Почти, – обливаясь потом, ответил Барон. – Ноги дрожат.

– Не думай об этом: ты уже сделал самое трудное.

– Надеюсь, что это так.

– Я уже двадцать лет не лазил так по скалам! – воскликнул Местр и гордо расправил плечи. – Это очень поднимает настроение!

А у де Пальмы по позвоночнику стекали капли холодного пота. Он поднял голову и увидел луну между двумя остроко-
нечными скалами. Местр подтянул веревку к себе и обмотал ее вокруг сосны. Свет в воде зашевелился, и де Пальма не стал терять время. Теперь он двигался увереннее, но руки и ноги болели. Мышцы при сжатии тоже начинали болеть.

Последние метры до земли он преодолел за несколько минут. В тот момент, когда Местр покинул уступ, ныряльщик появился на поверхности. В бухте раздался свист выходящего из баллона кислорода. Де Пальма сбросил с себя пояс и быстро пошел вперед.

– Осторожно, Мишель! – крикнул Местр.

Де Пальма, пригнувшись, перепрыгивал с одной скалы на другую, Местр был примерно в двух метрах позади него. Холодные тени двух друзей становились длиннее каждый раз, когда они выпрямлялись, чтобы сделать очередной прыжок. Ныряльщик теперь сидел на галечном пляже и водил по каланке лучом фонаря. Де Пальма и Местр спрятались за огромным валуном.

– Надо его брать. Он не может быть вооружен, – сказал де Пальма.

– У него может быть холодное оружие, – возразил Местр. Де Пальма медленно вышел из своего укрытия. Ныряль-

щик поставил фонарь рядом с собой и стал снимать маску.

– Не двигаться! – приказал Барон.

Тишину каланки разорвал пронзительный крик.

Нырлящик схватил фонарь и прыгнул в воду.

– Свет! – крикнул Барон своему другу.

Местр направил луч фонаря в сторону незнакомца.

– Черт! Он уже слишком далеко.

Пловец исчез под водой. Водолазный костюм и ласты позволили ему скрыться быстро и незаметно. Местр сел на гальку пляжа и поставил фонарь рядом с собой. Де Пальма долго стоял неподвижно, лицом к огромному темному морю. Примерно через десять минут ночную тишину разорвал треск выхлопов: заработал мощный лодочный мотор.

– Мы предусмотрели все, кроме этого! Он сбежал от нас по морю.

Местр смотрел на серебристый горизонт и на далекие утесы острова Риу, которые отсюда казались похожими на черное кружево.

– Надо вернуться сюда завтра! – крикнул ему Барон.

– Успокойся, Мишель!

– Я хочу знать, что произошло в эту ночь!

– Произошло то, что кто-то ускользнул у нас из рук. Такое с нами бывало сотни раз. Я надеюсь, что этот раз был последний: я больше не работаю в полиции, а ты тоже уходишь на пенсию через три недели.

– Тот, кто сейчас убежал, знает, что сегодня пятница и

никто не охраняет это место. И этот человек – убийца..

– Кто тебе сказал, что он убийца?

Де Пальма тяжело вздохнул:

– Никто. А ведь и в самом деле – никто не говорил.

Местр не мог видеть глаза своего друга, но чувствовал, как сильна его досада, и решил его чем-нибудь порадовать.

– Послушай, ты не против прогулки на автомобиле? Я завтра выведу «Джувьетту» специально для тебя.

– А куда мы поедем?

– Сюда, тупица, проверить кое-что. Ты мне всегда говорил, что прекрасно ныряешь.

– По сравнению со мной группер¹⁵ плавает как топор.

---

¹⁵ Группер – рыба из семейства морских окуней.

За ночь мистраль покинул город. Возле узкого конца Бухты Чуда сильная волна окатила и залила «Джувьетту» Местра. Ева, одетая в желтый дождевик, не сводила глаз с зубчатой линии берега и с рифов, которые море забрызгивало грязью. Де Пальма время от времени ронял несколько слов о береговых ориентирах и мысах, которые медленно скользили мимо машины. С этими местами у него были связаны семейные воспоминания.

Ему скоро должно было исполниться пятнадцать лет. Дед, если восточный ветер был не очень сильным, брал его с собой на рыбалку возле Риу и Плана. Мишель управлял лодкой и по приказу деда должен был в нужный момент выключать ее двигатель марки «Бодуэн». Потом старик вставал в центре их суденышка, раскидывал руки в стороны под прямым углом и выпрямлял шею. Какое-то время он стоял так, полужакрыв глаза, а потом говорил:

– Гребь еще, Мишель!

И правая рука деда указывала на мыс Моржиу так же верно, как указал бы радар.

– Еще чуть-чуть.

Это означало «один взмах весла и не больше». Гребок – и левая рука деда оказывалась точно на одной линии с островами Имперо.

– Стоп! Забрасываем!

Лески быстро разматывались, соскальзывая с пробковых пластинок. И каждый раз улов оказывался чудесным. Дед де Пальмы пятьдесят лет плавал по всем морям мира, бывал во всех заливах и на всех рейдах, и для него лучшими часами жизни были те, которые он проводил на воде. Внук относился к нему с почтением, потому что у деда маленькие глаза, как у всех, кто долго смотрел на океан, а по лицу деда можно прочесть о южных широтах больше, чем в любой книге.

– Ты замечтался, Мишель!

Это сказала Ева. Она догадалась, что ее мужчина опять затерялся в мире воспоминаний, куда она не могла проникнуть.

До конца поездки оставалось всего пять минут. Место, где находилась пещера Ле-Гуэн, можно было узнать издали по длинной известняковой скале, которая четко выделялась на синем фоне моря. Эта полоса камня была покрыта похожими на свечи выступами, между которыми росли поодиночке сосны.

Когда они миновали суровую гряду Триган, стала видна каланка – длинная бухта в тени утесов. Деревенские домики со всех сторон теснились вокруг порта Сормиу, словно искали у него защиты. Их едва прикрывали несколько сосен, уцелевших от пожаров. Дальше к востоку был виден длинный гребень гор над каланкой Моржиу, кончавшийся остроконечным мысом. Мыс напоминал по форме лезвие ножа.

Вода там была темнее, особенно у подножия утесов, нависавших над скалой Парус, и в каланке Трипери – бухте Требухи, огромном черно-белом каменном ущелье, где пляшут морские волны.

– Он, должно быть, знает, что мы близко, – сказал Местр.

– Я уверен, что знает, но это не важно. Если он открыл решетку без взлома, значит, у него есть дубликаты ключей. Тогда его будет легче найти.

Дома поселка Моржиу, зажатые между утесами головокружительной высоты и отвесным краем горного выступа Сен-Мишель, блестели под солнцем. Местр повернул «Джульту», волны помогли ему, подтолкнув автомобиль, и мыс оказался сзади.

Плоская скала наклонно спускалась к морю и уходила под воду. Слева от нее находились маленький галечный пляж и широкий каменный уступ – промежуточная остановка для ныряльщиков.

Де Пальма вынул из поношенного спортивного рюкзака костюм для подводного плавания, плюнул в маску и старательно размазал слюну по стеклу, чтобы оно не запотело, попав в холодную воду. Ева посмотрела на него с тревогой:

– Не хочу тебя обидеть, но тебе ведь уже не двадцать лет, а я уже давно не видела, чтобы ты погружался под воду.

– Там всего тридцать восемь метров, это немного. Если почувствую, что не выдержу, поднимусь.

Ева бросила взгляд за борт автомобиля. Море вдруг по-

темнело и стало враждебным.

– Если через час я не вернусь, вызывай «Добрую Мать»¹⁶.

– Как смешно! – воскликнула Ева, хотя на самом деле ей вовсе не хотелось шутить.

Де Пальма выпустил немного воздуха из баллонов, надел свинцовый пояс и присел на борт «Джульетты».

– Жан-Луи, у тебя есть анисовый ликер?

– Зачем он тебе?

– Вылей несколько капель в воду, так будет лучше.

Он надел на спину баллоны, поправил маску и опрокинулся в воду.

Скала круто опускалась в темноту. Доряды искали маленькие ракушки вокруг коралла, похожего на букет. В полумраке покачивались горгонии¹⁷.

Барон посмотрел на глубиномер и несколько раз взмахнул ластами, чтобы быстрее доплыть до места, где скала обрывалась.

Меньше двадцати восьми метров, потом тридцать... Он увидел бетонные блоки, поставленные Управлением подводных археологических исследований. Вход в пещеру был похож на полуоткрытый рот какого-то огромного спящего существа.

Барабанные перепонки сжимались под давлением водной

---

¹⁶ «Добрая Мать» – так называется один из морских спасательных катеров в Марселе. (Примеч. авт.)

¹⁷ Горгонии – коралловые полипы.

толщи. Страх вполз в душу де Пальмы и стал отравлять ее своим холодным ядом. Нельзя терять время, понял Барон. Он направил луч фонаря на решетку и внимательно осмотрел ее, не упуская ни одной мелочи. На креплениях, соединявших ее со скалами, были тонкие царапины, как будто их чем-то скребли. Водоросли возле решетки были вырваны, но следов пилы на прутьях не было.

Между двумя бетонными блоками, в круге света, блеснул какой-то металлический предмет. Это был фонарь ныряльщика. Малый размер – длина около десяти сантиметров. На фонаре не было ни крупинцы осадочных пород, значит, он попал сюда совсем недавно. Поднять находку оказалось непросто. Де Пальме пришлось придвинуть ее к себе кинжалом.

– Фонарь входит в комплект оборудования, который сдают напрокат, – пояснил Местр, взглянув на торец фонаря. – Здесь выгравированы номер и название компании-владельца: «Скубапро».

Эта компания лишь недавно появилась в очень закрытом мире любителей подводного плавания. Ее владелец подтвердил выводы Местра. Он сказал, что действительно сдавал напрокат «двухбаллонник» со всеми необходимыми принадлежностями. Комплект был возвращен сегодня утром, но без фонаря.

Чтобы добраться до квартала Монтредон, где находилась «Скубапро», надо было ехать примерно час вдоль берега мо-

ря. В пути волны и течения заставляли Местра вести «Джультетту» подальше от кромки воды.

За мысом Круазетт море стало спокойным. Они остановились в маленькой бухте перед деревенскими домами, где раньше жили рыбаки. Компания «Скубапро» размещалась в тупике, который перегораживала каменная стена. Сразу за стеной начиналось море.

В магазине десятки баллонов, желтых и белых, по большей части новых, стояли рядами вокруг компрессора. Предлагаемое снаряжение пахло солью, резиной и сухими водорослями.

— Человек, который брал у меня напрокат этот комплект, сказал, что потерял фонарь. Такое случается часто, особенно если человек забывает прикрепить к нему шнур. Надеюсь, ничего серьезного не случилось?

— Нет, ничего, не беспокойтесь, — заверил его де Пальма. — А как выглядел тот, кто брал у вас этот комплект?

Прокатчик задумался на несколько секунд, потом ответил:

— Маленького роста, немного лишнего жира на животе, половина головы лысая, возраст — лет пятьдесят. Он выглядел так, что я спросил его, умеет ли он нырять. Он показал мне свое свидетельство, и для меня больше не было вопросов.

— У вас записана его фамилия?

— Не знаю, он заплатил наличными, а вам известно, как

это бывает.

– Не могли бы вы показать мне остальное снаряжение из того комплекта – то, что он вам вернул?

Хозяин «Скубапро» исчез за деревянной перегородкой. Стало слышно, как он роемся среди каких-то железок. Через несколько минут он вернулся с двумя баллонами «Скубалунг» емкостью десять литров, рассчитанными на двести тридцать бар.

– Он брал у вас другие фонари? – спросил де Пальма.

– Да, еще два. Это нормально.

– Вы их перезаряжали с тех пор?

– Нет. У нас тут сейчас небольшой бардак...

– Не могли бы вы проверить, сколько заряда осталось в их батарейках?

Прокатчик снова исчез за деревянной стенкой.

– Значит, так. Он брал прожектор мощностью пятьдесят ватт и фонарь «Варио» на сто ватт. Пятидесятиваттный заряжен на семьдесят процентов, а «Варио» почти полностью. Он мало ими пользовался.

– Сколько времени он мог их использовать?

– Максимум полчаса. Если учесть, что батарейки немного разряжаются, даже когда фонарь выключен... да, я бы сказал – полчаса.

Значит, ныряльщик не входил в длинный туннель пещеры Ле-Гуэн, сделал вывод де Пальма. Он не переступил порог святилища, если только батарейка в одном из фонарей

не разрядилась.

Выезжая из Монтредона, «Джюльетта» двигалась вдоль границы квартала Пуант-Руж, потом вдоль пляжей Прадо. Шум города был почти не слышен, словно морской ветер уносил звуки Марселя далеко прочь, к пылавшему на горизонте закату. Де Пальма сел рядом с Евой и крепко обнял ее. Ни он, ни она не сказали ни слова, пока машина не въехала в Старый порт. Пристань, где Местр держал свою лодку, находилась возле ратуши. Он дождался, пока пройдет последний катер на Фриульские острова¹⁸, и свернул в сторону.

Раздался пронзительный сигнал мобильного: пришло сообщение. Это была эсэмэска от Полины Бертон.

«Реми Фортен скончался».

* * *

– *Смотри, сын, смотри!*

Пьер Отран держит под мышкой маленькую коробку. Он помогает своему сыну Тома сесть в кровати. Мышцы Тома ослабли от успокоительных, которые ему ввели накануне.

– *Что это?*

– *Закрой глаза!*

Тома слышит шуршание картона: это крышка скользит вверх по коробке. Потом другой шум, выше по тону и более

---

¹⁸ Фриульские острова – четыре небольших островка в Средиземном море, на расстоянии 4 километров от Марселя.

резкий – зашелестела бумага. Это почти песня о счастье: он напомнил Тома о рождественских подарках.

– Главное, не открывай глаза!

Пьер Отран кладет сыну в руки странный предмет.

Скажи мне, что ты чувствуешь; и главное – не смотри!

– Да, папа.

Пальцы Тома лихорадочно ощупывают предмет.

– Похоже на кусок дерева, но он холодный. Что это?

– Молчи! Попробуй угадать!

Веки Тома дрожат. Он делает огромное усилие, чтобы не открыть глаза. Его пальцы добираются до края предмета.

– Это статуэтка! Я чувствую, что это голова, а вот это – ноги.

Его пальцы лихорадочно скользят по предмету.

– Это «Человек с оленьей головой», – вполголоса говорит Пьер Отран. – В статуэтке живет дух, и он тебя излечит. Ты можешь открыть глаза.

Тома поднимает статуэтку на уровень своих глаз и медленно поворачивает ее в руке.

– Ее вырезал Первый Человек?

– Да, сын!

На лице Тома отражается растерянность.

– Как странно: она совсем холодная.

Центральная тюрьма города Клерво

7 декабря

Тома Отран положил перед собой журнал «История». Уже три дня он читал одну и ту же статью, упрямо и подробно изучая каждую фразу, каждое слово. Половину страницы занимал рассказ о проклятии пещеры Ле-Гуэн. В качестве иллюстрации была приведена фотография его сестры-близнеца. Уже девять лет Тома не видел ее лицо. Она и теперь красивая. И по-прежнему немного суровая. На лице все та же улыбка, которая не делала ее по-настоящему веселой. Сейчас, после заключения, после одиночества, он попытался представить ее себе.

Его разорвали! Его жизнь – только половина жизни. Словно клинок разрубил пополам каждую часть и каждый орган его тела. Утраченные половины далеко, в другой тюрьме.

Без Кристины он всего лишь калека.

Он закрыл журнал.

В библиотеке было тихо. Дежурный охранник с довольным видом листал комикс в другом конце зала. Двое заключенных сидели за столом и тихо разговаривали между собой.

Они приходили сюда, чтобы угодить начальству и заслужить условное освобождение, но никогда ничего не читали.

Отран медленно встал и задвинул свой стул под стол. Он

смотрел прямо перед собой, словно собирался пройти сквозь стены тюрьмы. Придвинул вплотную к своему столу соседний. Охранник оторвал взгляд от комикса и спросил:

– Что-то не так, Отран?

– Все исполнилось! – крикнул Тома, не замечая взглядов, которые устремились в его сторону.

Охранник отложил свой журнал и строгим голосом приказал:

– Сейчас же успокойся, Отран!

– Все исполнилось!

– Я согласен с тобой. Но теперь сядь. Иначе ты вернешься в камеру.

Отран ответил на это убийственным взглядом, повернулся и зашагал в сторону коридора, который был отделен от библиотеки решетчатой перегородкой.

– Эй, убийца женщин! Ты опять несешь чепуху? – крикнул ему заключенный из-за другого стола.

Отран остановился и увидел, что на него показывает пальцем цыган Моралес, налетчик из восточного пригорода Парижа.

– Тебя надуют, убийца женщин. Я тебе клянусь: тебя обведут вокруг пальца.

– Моралес, замолчи, или пойдешь в карцер! – рявкнул охранник.

Охранник встал рядом с одним из стеллажей и окинул взглядом зал; поняв, что он здесь один, незаметно вынул сви-

сток из кармана своей рубашки.

– Не хочешь мне пососать, педик? – шепнул Моралес, подходя к Отрану. – Смотри, мой... уже стоит. Иди ко мне!

Отран повернул голову в одну сторону, потом в другую, чтобы вернуть гибкость позвонкам.

– Так пососешь ты мне, гомик, или нет? – повторил налетчик.

Отран поднял правую руку на уровень своих глаз, медленно подогнул большой палец под ладонь, а остальные четыре выставил вперед, как пики.

– Вот он, знак!

Он согнул средний палец и пошел навстречу Моралесу. Тот встал в боевую стойку:

– Знак чего, педик?

Еще шаг вперед.

– Иди сюда, я тебя трахну. Иди, иди!

Моралес не успел отреагировать: удар был молниеносный и невиданный по силе. Резкий удар сразу двух ладоней по двум участкам сонной артерии. Моралес рухнул на пол, его рот наполнился кровью. Отран схватил его за волосы и ударил лицом об острый угол стола.

– Я Первый Человек. Я забираю твою жизнь, – произнес он.

Его голос дрожал от волнения.

Потом он поднял залитую кровью голову Моралеса и ударил ее об угол еще раз, изо всех сил. Лобная кость расколо-

лась с треском, похожим на треск сухого дерева. Заключенные в ужасе убежали в дальний конец читального зала.

Отран окунул обе ладони в кровь, которая растекалась по блестящим плиткам пола, и умыл этой кровью лицо.

Из его горла вырвались отрывистые птичьи крики, похожие на клекот орла.

Профессор Палестро не был счастливым человеком. Здоровым человеком он тоже не был, но главное внимание он обращал не на здоровье. Казалось, что он ждал смерти. Он удалился от дел и поселился недалеко от пещеры Бом-Бон, над городом Кенсоном в нижней части долины реки Вердон. Именно здесь летом 1970 года он впервые в своей жизни руководил раскопками. Продолжение исследований привело его в департамент Дордонь, в огромное святилище с памятниками первобытного искусства, характерными для Франко-кантабрийского региона¹⁹, потом в Париж и, наконец, на его родину – в Прованс. Он исследовал и пещеру Ле-Гуэн; это была его последняя научная экспедиция – самая удачная, принесящая больше почета, чем любая другая, но и самая драматическая.

Полина Бертон свернула с департаментской дороги направо и поехала в обратную сторону, к городку Кенсон, колокольня которого сверкала на солнце посреди красных черепичных крыш. Позади этой ожившей рождественской декорации поднимались, как стены, две отвесных известняковых

---

¹⁹ Франко-кантабрийский регион – археологический термин. Он обозначает область от Астурии на севере Испании до Прованса на юго-востоке Франции. В эпоху верхнего палеолита всю эту территорию населял один народ с практически одной и той же культурой.

скалы; их разделял огромный разлом, темный и холодный.

Полина не была здесь уже около двух лет. Она была последней и любимой аспиранткой профессора Палестро и входила в число тех немногих людей, которые могли приезжать к нему, не договорившись о встрече заранее.

Старый профессор вставал рано и выходил из дома только для того, чтобы купить самое необходимое в городке или прогуляться по берегам Вердона. О нем говорили, что он наполовину сумасшедший и у него бывают галлюцинации. Полине так и не удалось определить, что в этих слухах правда, а что ложь. Она знала, что профессор большой оригинал, но это не вызывало у нее тревоги, совсем наоборот.

Жилище специалиста по доисторической эпохе раньше было фермой. Стены его дома были сложены из больших камней, серых и белых. Задняя стена прислонялась к каменистому склону, покрытому низкорослыми вечнозелеными кустами и пахучими многолетними травами. При доме была и земля – цепочка из нескольких холмов, тянувшихся от этого склона до соседнего серого утеса.

На ней медленно старели, как узники в тюрьме, несколько плодовых деревьев и одна виноградная лоза.

– Добрый день, Пьер! – крикнула Полина, хлопая дверью своего старого автомобиля двести пятой модели.

– Полина! Как ваши дела?

Палестро, должно быть, ходил в этих брюках месяц или два, а может быть, и дольше: они блестели на коленях. Обут

он был в свои вечные высокие башмаки с кожаными шнурками. Над головой торчком стояла прядь волос, которую подняла ветер. Со времени их последней встречи профессор стал чуть больше сутулиться. Но орлиный взгляд, худое лицо с резкими чертами и отражавшиеся на этом лице мука и тревога были такими же, как раньше.

Полина поцеловала его в обе щеки и заметила, что от профессора пахнет вином сильнее, чем когда-либо раньше.

– Я привезла вам плохую новость. Хотела рассказать ее вам до того, как вы узнаете о ней из печати.

– А я уже давно не читаю ни газет, ни журналов, – ответил ученый и отвел взгляд в сторону поселка. – Что это за плохая новость?

– Реми Фортен умер. Несчастный случай при декомпрессии.

Палестро почесал голову. Новость, кажется, не причинила ему боли: он был мало знаком с Реми Фортеном.

– Бедняга! Погружаться под воду в этих пещерах всегда опасно. Будьте осторожны сами. Это место – скверная дыра, что бы о нем ни говорили.

Полина не знала, как изложить ему свои догадки по поводу несчастья с Фортеном. Ей было хорошо известно, что настроение профессора легко меняется. Он мог вдруг, без всякого предупреждения, замолчать и замкнуться в себе или даже прийти в ярость. Если так случится, ей останется лишь одно – уехать обратно. А она приехала сюда для того, чтобы

поговорить с ним о человеке с оленьей головой.

– Вы еще получаете письма от коллег? – спросила она, чтобы перевести разговор на другую тему.

Палестро поднял руки; этот жест означал «мне это теперь не очень важно».

– В нашей науке уже мало новых находок. Их место заняли рассуждения и догадки, а я их остерегаюсь. Теперь имеет значение только ДНК. Наше место в конце концов займут химики!

Профессор нежно взглянул на Полину, и его нижняя губа задрожала, как бывает у старых людей, желающих скрыть свои чувства.

– Вы были моей лучшей студенткой!

Он сделал несколько шагов в сторону дома, потом остановился и добавил:

– За всю мою карьеру у меня были только два блестящих ученика, вернее, ученицы – вы и Кристина Отран. Другие только повторяли как автоматы то, что прочитали.

В доме было темно. Полина любила входить в этот полумрак. В те дни, когда она писала диссертацию, Палестро приглашал на выходные в свое убежище тех аспирантов, которых особенно ценил. Это было до того, как он перестал обращать на себе внимание и превратился в отшельника с непредсказуемым характером.

Каждую субботу во второй половине дня они ходили на большую прогулку вдоль Вердона, иногда доходили даже до

пещеры Бом-Бон. А вечер заканчивали перед камином, болтая о доисторических временах и поедая жаркое, которое готовил Палестро по какому-то своему особенному рецепту. Он говорил, что эти кушанья достойны человека солютрейской культуры²⁰. Только, в отличие от первобытных людей, профессор обильно орошал жаркое винами из верховий реки Вар.

– Садитесь! – приказал Палестро Полине своим баритоном, привыкшим звучать в аудиториях. – Мы выпьем чего-нибудь, а потом прогуляемся. Для сегодняшнего вечера у меня есть колбаса, которую мне привез с Корсики один старый друг. Когда-нибудь я представлю его вам.

Он положил ладонь на руку Полины, ниже плеча, и, понизив голос, попросил:

– Расскажите мне об этом несчастном случае.

– Мы спустились ниже. За отметки 306 и 307, туда, где вы остановились.

Профессор ничего не сказал, только закрыл глаза. Мысленно он сейчас был в знакомой подводной пещере.

– Мы нашли очаг. И в нем обугленные остатки кусков дерева. Данные лаборатории не оставляют сомнений: это были маленькие изображения лошадей и одно большое – бизона.

– Хорошо, хорошо! – пробормотал Палестро. – Вы начи-

---

²⁰ Солютрейская культура – культура первобытного народа, который жил на территории Франции и Северной Испании в середине позднего палеолита. Она существовала непосредственно перед упоминавшейся здесь мадленской культурой.

наете восстанавливать рабочую площадку и команду. Это чудесно!

Он открыл глаза, долго и пристально глядел на свою ученицу, а потом сказал:

– Я искал этот очаг, но не успел найти из-за всего, что тогда произошло. Буду ждать вашей работы на эту тему и обязательно ее прочту. Но что это за несчастный случай?

– Поднимая на поверхность одну коробку, Фортен, должно быть, использовал аварийный буй. И поплатился за это.

– А почему он это сделал?

– Неизвестно; это остается загадкой.

После этого надолго наступила тишина. Палестро как будто был далеко от Полины. В его взгляде читалась странная пустота, словно ничто вокруг для него не существовало. Полина хотела продолжить разговор, но решила, что лучше подождать.

– Расскажите мне о своих открытиях, – попросил ученый, словно уже забыл о смерти Фортена.

Полина показала ему фотографии раскопок, которые сделала на различных этапах исследований. Палестро качал головой и поджимал губы каждый раз, когда какая-то подробность на снимке напоминала ему о прошлом. На последний снимок – фотографию великой бездны – он долго смотрел странным неподвижным взглядом.

– Эта бездна – ваша последняя загадка. И последнее препятствие, – сказал он Полине.

– Какая у вас теория о том, что она такое? – спросила Полина.

Луч солнца проник в комнату и начертил золотой круг на персидском ковре возле камина. Огонь в камине угасал, и Палестро подбросил в него одно дубовое полено.

– Нужно учитывать топографию этой пещеры, – пояснил он, прикрывая глаза рукой. – Она идет вверх. Все время вверх. Человек начинает подъем с глубины меньше тридцати восьми метров и быстро оказывается на уровне поверхности, а потом еще на несколько метров выше.

Полено вспыхнуло, и пламя отразилось желтыми завитками на темных стенках камина.

– Нет никаких причин считать, что там нет второго и третьего залов. Святилище было больше, и в прошлый раз мы раскопали не все. Это очевидно.

Он перевел взгляд на Полину и несколько секунд смотрел на нее.

– Вы согласны со мной, да?

– Да, профессор.

– Но это место приносит вред и гибель. Будьте осторожны!

– Почему?

– Вы знаете, что Кристина много копалась в этих историях о магии людей солютрейской и мадленской культур. Мне так и не удалось по-настоящему узнать, что она нашла. Эту часть своей работы она держала в тайне.

Профессор посмотрел, как Полина отреагировала на эти

слова, потом заговорил снова:

– Вы знаете, что она проводила опыты с некоторыми видами магии?

– Нет, я этого не знала!

– Она последовала примеру Карла-Густава Юнга – одного из отцов психоанализа. Юнг долго жил среди индейцев народа пуэбло и среди африканских народностей. Он никогда ни с кем не говорил об этом по-настоящему... Это было для него чем-то вроде тайного сада мудреца. Он не хотел, чтобы над ним из-за этого смеялись. Однако большинство людей, знавших Юнга в то время, рассказывали, что после путешествий он сильно изменился... И что именно после путешествий он начал писать ту свою впечатляющую работу, которая произвела большой переворот в психологической науке.

Неожиданное воспоминание взволновало профессора; это было заметно по его дыханию, которое стало чаще. Он подождал, пока оно придет в норму, и продолжил свой рассказ:

– Я хорошо знал Кристину в эту пору ее жизни и могу вам сказать: эксперименты изменили ее. Она прикоснулась к этой магии начала времени перешла ту границу, которую мы отказываемся перейти, боясь услышать упреки коллег. Поверьте мне, Кристина не такая женщина, чтобы чего-то бояться!

Профессор сжался в своем кресле, и воротник его твидовой куртки накрыл ему затылок.

– Хотим мы того или нет, мы живем в иудео-христианском мифе. Вся наша культура может быть объяснена согласно этому мифу. А человек времен палеолита не знал этого мифа, как не знали его все первые народы.

Кристина хотела раскрыть эту тайну, на ее основе истолковать настенные изображения и понять мысли Первого Человека. Сделать то, что еще никому никогда не удавалось. Это был бы большой шаг вперед в науке о человеке.

– Но какая же у нее огромная гордыня!

Палестро пристально посмотрел на Полину и сказал:

– Без такой гордыни нельзя совершить ничего великого!

И начал носком ботинка вталкивать камешки в борозды, оставшиеся в полу комнаты с прежних времен, когда она была складом. Столкнув несколько штук, он произнес вполголоса:

– Глубина колодца, который находится на дне пещеры Ле-Гуэн, около двадцати метров. Дальше – неизвестность. Там может ничего не быть, а могут быть проходы. Будьте осторожны.

– Почему я должна быть осторожной?

– Потому что в святилище Первого Человека нельзя проникнуть, не рискуя собой.

Торговый центр был похож на декорацию к плохому научно-фантастическому фильму: здание, состоящее из одних острых углов. Он возвышался над развалинами древнегреческого порта Лакидон: Марсель возвел средоточие своей торговли на памятниках своего древнего прошлого. В праздничные дни половина жителей города топталась здесь. Сегодня утром Барон тоже был в их числе: он искал рождественский подарок для Евы – не духи и не украшение, а вещь высокого класса. Но что? Его воображение спотыкалось на границе, переход через которую он считал почти невозможным, – той, которая разделяет мужской и женский вкусы.

Сам он на месте Евы согласился бы на оперную сумочку²¹. Но что понравится ей?

Де Пальма быстро прошел через отдел белья: он плохо представлял себе, как стал бы покупать такие легкомысленные вещи, и к тому же ничего не понимал в размерах. Продащица отдела – вульгарная накрашенная блондинка с волосами цвета утреннего солнца – смотрела на него так сердито, как будто он находился на запретной территории. Он остановился перед входом в отдел дамских сумок. Сумка Евы ему не нравилась – слишком броская. Но ему хотелось

---

²¹ Оперная сумочка – богато украшенная дамская сумочка со специальными отделениями для театральных биноклей и вееров.

удивить ее чем-то более необычным.

Де Пальма вспомнил маленький, послушный легкому касанию пальца компьютерный планшет Полины Бертон. Этот двойной концентрат высоких технологий потряс его. Бессур уверял, что все его собрание оперных записей можно вместить в одно такое маленькое устройство.

Это понравится Еве, решил де Пальма и пошел в отдел компьютерной техники. Но в тот момент, когда он сходил с эскалатора на нужном этаже, позвонил Местр.

– Я нашел кое-что по делу о смерти Фортена. Есть свидетель... Думаю, мы сейчас же должны встретиться с ним.

– Где?

– На Поркероле²².

– Красивое место. Ты поедешь со мной?

– Нет.

– Почему?

– Я сейчас в Торговом центре, делаю покупки к Рождеству.

– Тогда я сдаюсь.

– Фамилия человека, с которым ты должен увидеться, – Мартини. Это капитан порта. Он был очень близко знаком с Фортеном.

Восточный ветер отступал, но боролся за каждый клочок

---

²² Поркероль – небольшой остров у побережья Прованса, известный остатками старинных укреплений и винодельнями.

территории между островом Пор-Кро и островами Леванта и уносил с собой запахи эвкалипта и сосен. Пристань на Пор-кероле была мокрой от брызг. В конце набережной стоял белый сборный дом, принадлежащий капитану.

– Рад вас видеть! – приветствовал своего гостя Мартини. Фуражка плотно сидела у него на голове. – Уже много дней я жду этой минуты.

– Почему ждете? – спросил де Пальма и выбросил сигарету.

– А чего вы хотите? Я не верю, что смерть Фортена – случайность. Это был ныряльщик, не имевший себе равных. В море для него не существовало тайн.

Капитан порта был худощавым человеком в поношенном, но имевшем приличный вид дождевике и парусиновых туфлях. Он пригласил Барона в дом. Там на синем письменном столе из огнеупорного пластика были разбросаны несколько морских карт. Ослепительные лучи солнца били в окна. Мартини опустил жалюзи и сел за стол. Де Пальма снял куртку, вынул из нагрудного кармана записную книжку и устроился напротив хозяина.

– Фортен жил здесь? – спросил он.

– Не все время. Он жил на своем корабле – на «Арануи».

Мартини часто проводил рукой по губам, как делают алкоголики, когда им хочется выпить.

– На следующий день после смерти Реми сюда приходил... как бы это сказать... один человек, – сказал он. – Па-

рижанин. И весь такой шикарный! Он мне сказал: «Не могли бы вы указать мне корабль месье Фортена?» Я ответил, что «Арануи» находится в Тулоне, потому что его забрала морская жандармерия.

– Вы хотите сказать, что корабль месье Фортена был конфискован?

– Вот именно.

– Вы знаете почему?

– Наверное, у Фортена были долги.

– Когда у него конфисковали корабль?

– Шесть месяцев назад.

– Расскажите мне о человеке, который приходил к вам.

Как он выглядел?

– Деньги у него есть: это видно по одежде. Пожилой, лет шестьдесят. Лысый, низкого роста, носит маленькие очки.

Мартини встал и взял со стоявшего на столе компьютера пачку «Мальборо».

– Так вот, – продолжал он. – Этот человек мне сказал: «Не могли бы вы, когда корабль Фортена будет возвращен, лично сообщить мне об этом?» И он дал мне карточку с номером телефона.

– Эта карточка есть у вас и теперь?

Капитан выпустил через нос струю сигаретного дыма.

– Вот она. Здесь только телефон, больше ничего нет.

– Почему вы не сказали об этом раньше?

– Я пытался, но и в полиции, и в жандармерии все меня

прогоняли.

– Вы знаете, где сейчас находится корабль?

– Он стоит здесь. Люди из жандармерии привели его обратно через два дня после смерти Фортена.

– Вы сообщили об этом своему посетителю?

– Нет, – сказал Мартини.

«Арануи», красивое рыболовное судно, стояло у края мола, рядом с медленно гнившими там старыми посудинами. На очень прямом форштевне были написаны белыми буквами на ярко-красном фоне регистрационные данные судна. Стекла обоих окон капитанского мостика были разбиты; в обоих случаях трещины расходились из точки удара, как лучи звезды.

Де Пальма прыгнул на палубу. Скрипнула дверь кабины рулевого. Рядом со штурвалом, сделанным из красного дерева, лежал водолазный шлем. Фортен, должно быть, не отличался аккуратностью: рядом с навигационными инструментами валялось множество самых разных вещей.

В ящике для карт лежали листы крупного масштаба 1:50 000 – разделенная на части карта побережья между Марселем и Ниццей. В центре каланки Фортен начертил циркулем два полукруга и отметил красной линией маршрут, который вел к пещере Ле-Гуэн.

Лестница вела отсюда вниз, в трюм, где когда-то хранили рыбу. Фортен устроил в нем первую из своих комнат. Это было довольно просторное помещение прямоугольной фор-

мы с кухонным углом слева и большим столом, застеленным красной клетчатой клеенкой. Книжная полка, к которой был подвешен вентилятор, была полна книг, которые покособились от сырого морского воздуха.

Вторая комната была гораздо больше и служила Фортену спальней и сараем. Здесь стояла кушетка, сделанная из матраса, а на потолке висела желтая керосиновая лампа. В дальнем конце комнаты Фортен встроил в стену шкаф, где хранил свое подводное снаряжение – два поношенных водолазных костюма, целую коллекцию масок и сапоги.

Де Пальма перевернул здесь все предметы, но ничего не нашел и вернулся обратно.

Под столом был большой выдвижной ящик, где лежала стопка карт и рядом с ней – измерительный циркуль. Большая часть карт тоже относилась к побережью. На них было проведено много линий между мысом Моржиу и оконечностью Бухты Чуда и поставлено огромное количество крестиков, отмечавших скалы и островки. Одна линия вела к пещере Ле-Гуэн.

Де Пальма положил на стол одну карту и вынул из стопки другую. На этой была надпись красного цвета:

2° 43' 57" В

42° 37' 3" С

Координаты какой-то точки на одном из холмов возле Марсея. На участке от неизвестно чего и до неизвестно чего. Де Пальма свернул обе карты вместе в трубку и перевязал веревкой, которая валялась на полу. Он вернулся на палубу и, найдя место, укрытое от ветра и брызг, сразу же позвонил по номеру, который ему дал капитан порта. Ответил женский, немного разбитый голос:

– Это секретарь доктора Кайоля. Я вас слушаю.

– А? Простите. Я, должно быть, ошибся, – извинился де Пальма и прервал разговор.

С доктором Кайолем он был знаком уже давно. Это был психиатр, который уже много лет лечил Тома Отрана.

Полина Бертон никогда не погружалась под воду одна. В это утро ее сопровождал Тьерри Гарсия – молодой ученый, специалист по мадленской культуре, заменивший Фортена.

Спуск ко входу в пещеру Ле Туэн проходил без помех. До глубины десяти метров рельеф сохранял свою ярко-зеленую окраску. По этому изумрудному фону были рассыпаны черные пятна, – это морские ежи укрывались в углублениях скал. Разноцветные рыбы-юнкера²³ отщипывали кусочки от кораллин²⁴. Гарсия указал Полине на лангуста, который отступал в свою узкую каменную нору, немного опустив антенны.

Два археолога медленно приближались к тускло окрашенному, почти вертикальному спуску.

Чуть ниже их ожидало хаотическое нагромождение камней, которые каким-то образом умудрялись сохранить равновесие. На глубине восемнадцати метров свет начал тускнеть. Все цвета медленно исчезали в черноте, которая еще сохраняла синий оттенок.

Через одинаковые промежутки времени Полина выпускала в воду длинные цепочки пузырьков кислорода. Над головой у нее были серебристая поверхность моря и длинная

---

²³ Рыба-юнкер – небольшая ярко окрашенная рыба из семейства губановых.

²⁴ Кораллины – группа видов красных кустящихся водорослей.

«нить Ариадны», дальний конец которой словно растворялся в проникавшем сверху свете.

На глубине тридцати метров Полина долго водила лучом фонаря по поверхности скалы, поднимавшейся, как стена, над едва видимым отсюда дном.

Природная наблюдательность еще никогда не подводила ее. Полина заметила, что несколько водорослей и один спирографис²⁵ сорваны со своих мест. Она запомнила это и отодвинулась от стены.

Тридцать восемь метров. Полина опустила глаза и отыскала взглядом вход в пещеру. Перед входом ее ждал Гарсия. Над входным отверстием висела табличка из нержавеющей стали:

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ.

ВХОД ВОСПРЕЩЕН

Теперь Гарсия плыл первым, а Полина – на расстоянии двух метров позади него. Два раза ее баллоны задевали по-

---

²⁵ Спирографисы – морские кольчатые черви, живущие на мелководье в Средиземном море. Имеют длинное тело, заключенное в трубку из слизи и песка. Задний конец тела прикреплен к какой-нибудь поверхности, на переднем находятся два щупальца, которые называются пальпами, и много щетинок, благодаря которым этот червь напоминает красивый цветок на длинной ножке.

верхность скалы, и скрежет стали, царапавшей известняк, резал Полине уши. Свист редуктора с каждым медленным вдохом становился все пронзительнее и все больше привлекал к себе внимание.

Полина не позволяла себе ни о чем думать до тех пор, пока не выйдет из этой длинной каменной норы. Ей казалось, что холодная вода сдавила ее, как невидимые тиски.

Когда женщина-археолог выплывала из первого подводного зала, ей показалось, что в одном из бесчисленных туннелей, проникавших в каменное чрево горы и в нем терявшихся, был виден свет лампы ныряльщика.

Сразу за выходом ее ждали на скале веревки и алюминиевая пластина, необходимые для продолжения спуска. Два техника, которые спустились сюда раньше, уже приготовили для них эти вещи и теперь устанавливали освещение.

Полина выпрямилась. Ее ноги еще болели от холода и движения ползком по туннелю.

Женщина-ученый сняла ласты, откинула с головы капюшон и сделала несколько шагов в сторону длинных, окрашенных в черный и желтый цвета реек, которые служили ориентирами при топографической съемке.

– Сюда нужно больше света, – сказала она, показывая на участок, находившийся в полутени. – Сегодня и в ближайшие дни мы будем работать здесь.

Каждое слово отдавалось странным эхом от сводов этого подземного зала в глубине пещеры Ле-Гуэн. Один из тех-

ников установил прожектор на выдвижную треногу и включил его. В пещере зажегся яркий свет, и она стала похожа на мокрое горло, покрытое сыпью ржавого цвета.

Над головой Полины были ясно видны три рисунка ладоней. На каждой из них не хватало пальцев.

Стена пещеры была изрезана косыми линиями. Во время первых раскопок команда Палестро и Кристины Отран лишь поверхностно осмотрела эту часть пещеры и обнаружила только изображения ладоней. Новым исследователям надо будет изучить здесь все или почти все.

Полина сделала много снимков, стараясь как можно точнее нацеливать аппарат на каждый участок пола и стен, потом отложила фотоаппарат.

– Зажгите факел, – приказала она, открывая свой переносной компьютер.

С самого начала своих раскопок в пещере Ле-Гуэн Полина пользовалась тем простым освещением, которое применяли первобытные люди: оно позволяло лучше представить себе их намерения. Каждый сеанс работ фиксировался на пленке, и кадры сразу же передавались на аппаратуру обработки снимков. Фотоаппарат мог рассмотреть то, что ускользнуло от человеческих глаз. Полина взяла палку, пропитанную смолой, и зажгла ее.

– Тьери, ты не мог бы погасить прожекторы?

Желтое пламя факела заплясало посреди темноты, и фигуры на стене словно зашевелились. Освещенные сбоку, ли-

нии на разрушенном времени камне превратились в глубокие черные надрезы. Полина провела факелом вдоль стены, и стал виден еще один вырезанный рисунок – изображение барана, а потом что-то вроде птичьей головы.

– Похоже, это какой-то хищник, – пробормотал Тьерри, державший фотоаппарат.

– Возможно, если только это не второй «убитый человек».

Она подошла к рисунку. В колеблющемся свете факела казалось, что фигура на стене оживает.

– Смотри, это вроде бы тело – туловище и конечности. А там – кривой клюв, как у орла.

Рисунок, нанесенный на стену, заканчивался на изгибе потолка. Полина провела по линиям пальцем.

– Эти две большие линии могут изображать копья или что-то подобное, что летит к нему. Что ты на это скажешь?

– Это в точности как у другой фигуры «убитого человека» – той, которую мы нашли в первом зале.

Вдруг Полина наклонила свой факел. Его огонь качнулся влево. Рисунок исчез, и на его месте появилась ограда из линий, начерченная вокруг него.

– Дорого бы я дал, чтобы определить время создания этих рисунков!

– Может оказаться, что первый и второй рисунки разделяют тысячи лет. Мы возьмем пробы из надрезов, а потом увидим, что скажут в лаборатории.

– Значит, отправим пробы в лабораторию, в Жиф-сюр-

Ивет?

– Да. Можешь включить освещение.

Полина погасила факел, окунув его в ведро с водой.

– В одном я уверена, – сказала она. – Косые линии означают отрицание того, что нарисовано ниже их. Они имели магическое значение. Люди вернулись сюда, увидели этих «барана» и «убитого человека» и решили от них отречься.

– Почему?

– Ты задал единственный хороший вопрос, мы не скоро найдем ответ на него, – усмехнулась Полина.

– Кристина Отран пыталась ответить...

– Ее теории заходили слишком далеко, – сухо произнесла Полина. – Она уже была наполовину сумасшедшей. Не все можно объяснить магией. Она говорила, что с этих рисунков собирали кальций, потому что считали, что он заряжен магической силой.

Тьерри опустил голову. Имя Кристины Отран ни разу не было произнесено с самого начала раскопок, словно на него было наложено табу. Никто не говорил о том, что произошло в этой пещере.

– Ох! Смотри, еще один отпечаток! Правая ладонь! – внезапно воскликнула Полина и вдруг словно окаменела.

На отпечатке не хватало большого пальца и одной фаланги среднего. След ладони был точно такой же, как на фотоснимке из службы криминалистического учета, который ей показал де Пальма. Контур рисунка был очень четким: раз-

двинутые пальцы и ладонь были окружены пятнами охры и красной краски.

– Что-то не так? – спросил Тьерри.

– Нет, все нормально. Просто у меня в уме мелькнула глупая мысль.

Сказав это, Полина невольно вздрогнула. Потом она сделала несколько пометок в своей записной книжке и наброски рисунков.

Вдруг раздался звук, похожий на рычание. Тьерри Гарсия весь напрягся и бросил на Полину вопросительный взгляд. Она движением головы указала ему на дальний конец пещеры.

– Я думаю, это ветер пролетел сквозь глубокую щель, которая там есть. Раньше был еще один вход в пещеру, как раз над большим колодцем. Шесть лет назад его засыпал обвал.

– Странно, но звук очень похож на мужской голос.

– Надеюсь, это не доисторические шаманы просыпаются ото сна, – пошутил Гарсия.

– Не шути с такими вещами! Человек никогда не знает, что может случиться.

Потом они еще два часа измеряли каменные выступы и ребра, чтобы описание пещеры было полным. Примерно в полдень Полина направилась к большим точкам, которые были поставлены углем вокруг негативных отпечатков ладони.

– Надо взять образцы красок, отправим их на датировку, –

пояснила она. Потом подумала несколько секунд и добавила:
– Отправим их в лабораторию сегодня.

– Я займусь этим, – пообещал Гарсия.

Баллоны были еще влажными, когда Тьері Гарсия надел их себе на плечи. Жюльер Марсо, техник из Управления подводных археологических исследований, который в этот момент устанавливал видеосвязь с поверхностью, спросил, сомневаясь:

– Ты уже поднимаешься, Тьері?

– Я должен отнести это в лабораторию сегодня вечером.

Взгляд Марсо сосредоточился на коробке, которую Гарсия держал в руках.

– Что это такое?

– Образцы красящих веществ, которые мы обнаружили возле большого колодца. Полина хочет, чтобы анализы этих проб были сделаны как можно скорее, а поскольку сегодня пятница, их нужно срочно отправить.

Марсо посмотрел на большие водонепроницаемые часы, которые носил на руке.

– Ты едва успеешь попасть в Марсель до закрытия почты.

Гарсия выпустил немного кислорода из редуктора, подтянул ремни своего снаряжения и вошел в воду. Если двигаться достаточно быстро, не нужно будет делать остановку для декомпрессии, поэтому он увеличил скорость. Меньше чем через четверть часа он оказался на глубине меньше тридцати пяти метров. До конца туннеля оставалось всего десять

взмахов руки. А после этого он до конца будет плыть только по открытому пространству.

На последнем повороте все вокруг стало белым: мелкие частицы глины, устилавшие пол этого узкого прохода, всплыли вверх и замутили воду так, что не стало видно почти ничего. Гарсия выругался. Свет фонаря, который был у него на голове, отражался от воды, непрозрачной и молочно-белой из-за глиняной взвеси, и ослеплял его.

Перед ним возникло что-то темное. Может быть, это скала или другой аквалангист? Гарсия ничего не мог рассмотреть. Его глубиномер показывал меньше тридцати восьми метров.

Внезапно «нить Ариадны» приподнялась: это означало, что он уже в самом входе. Гарсия стал двигаться туда, куда она указывала. Он спешил выбраться из глиняной каши, в которой был вынужден плыть.

При очередном ударе ластой что-то вдруг потянуло его назад. Должно быть, ступня зацепилась за трос. Он занервничал и стал дергать ногой, но не смог освободиться. Ничего не видя в белом тумане, Гарсия развязал крепление ласты и освободил ногу. Он напряг мышцы поясницы, рванул вперед – и почувствовал, что вторая нога тоже застряла. Тогда он ошупью достал нож и перерезал нить.

А потом все перепуталось и смешалось.

Что-то странное и черное прыгнуло на Гарсию и толкнуло его так, что его голова ударилась о камень. Он выпустил из рук коробку с образцами красок и стал отбиваться но-

жом, нанося удары наугад. Черная тень казалась неуловимой, неосязаемой и жидкой. Каждый раз, когда Гарсия думал, что коснулся ее, она исчезала в молочно-белом облаке, а потом возникала ниоткуда и снова нападала.

Гарсия стал грести руками изо всех сил, чтобы вырваться из ловушки, которая уже захлопывалась, и даже не знал, опускается он на дно или поднимается на поверхность.

Тень не хотела оставить его в покое. Она двигалась быстрее, чем он. А Гарсия не мог как следует рассмотреть ее и понять, кто или что за ним гонится.

Его силы были на пределе, и он рванул за шнур спасательного жилета. Красная подушка мгновенно наполнилась воздухом и понесла Гарсию прочь с этого опасного места, к поверхности.

Полицейский катер резко развернулся посередине калан-ки Сюжитон. Хищная птица поднялась в небо над водой и с пронзительным криком помчалась в сторону моря.

– Это ястребиный орел! Очень редкая птица! – сказал де Пальма, указывая на крупного пернатого хищника, который уплывал по небу в восходящем потоке воздуха.

– Вы разбираетесь в птицах, майор? – спросил капрал полиции, который вел катер.

– Не очень. Но мне кажется, что эта птица прилетает ко мне, как на свидание, каждый раз, когда случается что-то плохое.

Капрал выключил мотор. Возле маленького галечного пляжа стоял спасательный катер «Добрая Мать», и на его палубе группа моряков-пожарных суежилась вокруг декомпрессионной камеры, куда только что положили Тьерри Гарсию. Де Пальма выпрыгнул из катера на скалу в нескольких метрах от спасателей.

– Ему повезло! – крикнул главный врач. – Всплытие не будет иметь последствий.

– Почему? – спросил де Пальма.

– Он недолго пробыл на глубине, всего несколько минут. Организм не успел приспособиться к большему давлению.

Из штабной палатки вышла Полина Бертон. На ней все

еще был черный с синим костюм для подводного плавания. Волосы она убрала под яркий платок.

– Не могу понять, что произошло, – сказала она. Лицо ее вытянулось от напряжения.

– С Тъери все будет хорошо! Он уже завтра будет на ногах, – заверил ее де Пальма.

Полина бросила свою маску в спортивный рюкзак. Де Пальма отвел женщину в сторону, подальше от спасателей, и сказал ей:

– Важна любая подробность, даже самая мелкая. Вы не заметили, что какой-то вещи нет на месте?

Она не задумываясь ответила:

– Сегодня утром, во время спуска, я увидела, что в одном месте водоросли оборваны.

– Это показалось вам странным?

– Понимаете, я очень наблюдательна и уверена, что за вчерашний день никто из наших ныряльщиков не срывал водоросли, хотя...

– Почему вы в этом уверены?

– Не знаю. В последнее время я проверяю все.

Полина подняла с земли несколько галек и стала пересыпать их из руки в руку.

– Может быть, это ничего не значит, но я все же приму это к сведению. Вы никогда не спускаетесь под воду одна?

– Нет, никогда. Со мной постоянно был Тъери Гарсия, а иногда спутников было два или три. Все – крупные и силь-

ные мужчины.

– Тьерри останется здоров, никаких проблем не будет.

– В любом случае не может быть и речи о том, чтобы прекратить работы.

– Я добился для вас охраны: на месте ваших работ будут дежурить два человека. Мне кажется, власти начинают нам верить.

– Давно пора!

Де Пальме нравилась эта сильная женщина, которая вела себя так естественно. У нее были манеры мальчика и уверенные движения, она рисковала собой при каждом погружении. Казалось, ничто не могло лишить ее твердости духа.

– Хочу кое-что сказать: это может оказаться важным, – заговорила она снова.

– Я вас слушаю.

– Вы помните негативный отпечаток, который вы мне показывали? Рисунок, который оставлял Отран, – ладонь, где не хватало большого пальца и части среднего.

– Отлично помню.

– Я знаю точно такой же отпечаток, и сейчас он находится у вас под ногами.

– Ваше «кое-что» – не глупость, Полина. Более того, оно очень важно.

– Вы так считаете?

– Я в этом уверен.

Полина подняла взгляд на де Пальму.

– Сейчас, когда я стала думать об этом... я вижу: тут возникает еще один вопрос.

– Какой?

– Эти рисунки не были описаны во время первой экспедиции. Я думаю, что их тогда не обнаружили.

– Думаете или уверены?

– Практически уверена! Эти отпечатки находятся в труднодоступном углу, на потолке, как раз над теми углями, которые я нашла. Я знаю Палестро. Он не мог бы пройти мимо следов очага и тем более мимо этих рисунков и не заметить их. Значит, до них вообще не добрались.

Моряки-пожарные только что столкнули спасательный катер в море. Два техника из Управления подводных археологических исследований промывали пресной водой подводное снаряжение. В открытом море проплыла яхта. Она привлекла внимание де Пальмы тем, что разноцветный, как радуга, большой дополнительный парус раздулся так, что стал похож на брюхо великана.

– А что еще вы нашли, кроме этих отпечатков? – Де Пальма настойчиво продолжал задавать вопросы.

– Как я вам уже говорила, ладони нарисованы в труднодоступном месте. Туда надо добираться по длинному, как кишка, проходу, недалеко от главного колодца. Там полно процарапанных рисунков и рисунков пальцем, и они еще не изучены. На будущей неделе я возьмусь за их исследование. И еще там есть изображение «убитого человека».

– «Убитый человек»? Одного такого обнаружила первая экспедиция.

– Да, а теперь мы нашли второго, и там, где он изображен, со стены сколот верхний слой камня, как будто с рыбы сняли чешую. Я еще не закончила анализ, но ясно, что этот рисунок изображает человека-птицу. Возраст находки – от восемнадцати до девятнадцати тысяч лет.

Из командного пункта раскопок вышел Жюльен Марсо – последний, кто видел Гарсию перед нападением. Желтая рубашка, которую он успел надеть, ярко блестела на солнце. Де Пальма пожал ему руку.

– Ты сказала про странный голос? – спросил Марсо у Полины.

– Нет, – ответила она и обратилась к Барону: – Я думаю, что это какой-то акустический феномен. Должно быть, ветер проникает в какую-то щель и создает странный звук, похожий на мужской голос.

Де Пальма приподнял голову и повернулся к стене.

– Когда-то у пещеры был еще один вход – колодец, который заканчивался в большом зале, – сказал он. – Мы прошли этим путем, когда арестовывали близнецов Отран. Но сейчас это отверстие полностью засыпано в результате обвала. Может быть, ветер проникает туда между большими камнями, и они играют роль свистка.

– Тут есть одна большая проблема, – заметил Марсо.

– Какая?

– Сегодня нет никакого ветра, даже самого слабого.

Журналисты ничего не узнали о втором несчастном случае в каланке Сюжитон. Эта новость не вышла за пределы маленького мира спасателей и исследователей доисторической эпохи. Полина заявила в полицию о покушении на убийство. Де Пальма выслушал ее официально и составил протокол, преодолев нерешительность комиссара Лежандра, считавшего, что уголовная полиция не должна заниматься этим делом.

Бессур провел много часов, копаясь в прошлом и знакомствах Гарсии. И не нашел никакой, даже самой слабой связи с делом Отранов. С Реми Фортемом Гарсия лишь несколько раз встречался на рабочих собраниях.

Через два дня Тьерри Гарсия рассказал о том, что произошло с ним у выхода из пещеры Ле Гуэн. Де Пальма, составлявший протокол, попросил молодого ученого описать нападение как можно подробнее.

– Мне казалось, что это существо – рыба: так легко оно двигалось в воде. На такое способен только ныряльщик очень высокого уровня, – сказал Гарсия.

Он не смог точно назвать рост своего противника. Не сумел и описать его внешность, даже не смог сказать, был это мужчина или женщина.

– Полагаете ли вы, что с Фортемом случилось то же, что с вами?

– Думаю, что да. Но для него это закончилось смертью, – ответил Гарсия.

Де Пальма быстро сделал в уме несколько вычислений, касавшихся давления под водой. Он помнил, что учитывать надо в первую очередь глубину и время нахождения на этой глубине.

– Сколько времени вы пробыли под водой?

– Очень мало, – пояснил Гарсия. – Именно это меня и спасло. Если человек не остается на глубине долго, азот не успевает расшириться и не образует пузырьков.

«Следовательно, Фортен пробыл на глубине гораздо дольше, чем я предполагал», – подумал де Пальма. Расчеты надо будет делать заново. Но из пещеры на поверхность есть всего один путь. У Фортена не было никаких причин задерживаться на глубине около тридцати восьми метров.

– Какого цвета ваш подводный костюм? – вдруг спросил полицейский.

– Черный с синим. У нас у всех одинаковые костюмы с тех пор, как нам поставляет снаряжение спонсор, которого сумела найти Полина.

– У всех одинаковые, – повторил де Пальма.

Перед нападавшим оказался не тот, кого хотели убить.

– Ты думаешь, от этого можно вылечиться? – поинтересовался Тома.

– Конечно можно. Но зачем? Психиатрия не должна бы-

ла бы существовать.

В слове «психиатрия» Бернар произносит «и» вместо «х». Тома Отран думает, что это насмешка, но не уверен.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что психиатры не понимают, что мои видения делают меня счастливым. Я не вижу эту больницу, как будто нахожусь где-то еще.

– Где?

– Это я тебе не скажу: это моя тайна. Ты тоже говоришь мне не все.

– Но я об этом кое-что знаю.

– Вот как? Что же именно?

– Иногда ты говоришь во сне, если тебе дают не слишком большую дозу лекарств.

– И что я говорю?

Если вопрос, который задали Бернару, его беспокоит, Бернар начинает вертеться на своем стуле, елозить задом по сиденью. Бернар боится вопросов, про которые знает, что они могут нарушить гармонию. Гармония – это важно.

– Что я говорю во сне? – настаивает Тома.

Бернар чешет голову с такой силой, что вот-вот сдерет кожу вместе с волосами.

– Ладно, это не важно, – успокаивает его Тома. – Я не сержусь на тебя, но сны бывают такими загадочными, что иногда хочется узнать о них больше.

Бернар встряхивается, как марионетка из «Ман-

пет-шоу», и хочет что-то сказать, но заикается, и ни звука не вылетает из его рта.

Тогда Тома обнимает его и начинает укачивать, как ребенка. Должно быть, Бернар вспоминает при этом своего отца или мать. Тома сильный, и в его руках Бернар чувствует себя в безопасности.

Возвращаясь из своего царства тоски, Бернар пишет стихи – очень хорошие стихи, которые хочет издать один редактор. Но редактор не хочет платить за них Бернару. Самому Бернару на это наплевать, но его семье – нет. Бернар лечит себя большими дозами поэзии. Это его лучшее средство для успокоения нервов.

Сам Тома не умеет утешать себя поэзией. Голоса, которые он слышит, говорят ему о мире, где нет ничего написанного. Но иногда он делает скульптуры. Ему сказали, что у него большой талант. Он делает статуэтки, которые были у шаманов, – Человека-льва или Богиню-деву, глаза и уши которой нельзя увидеть. Эти изображения помогают ему вызывать с помощью песен души древних людей, но эту тайну знает только Бернар. Он даже написал об этом стихотворение, оно называется «Человек, Хотевший Быть Посвященным». В нем говорится о молодом мужчине, который пересекает миры и ходит по звездному раю. Тома поклялся, что никогда никому не прочтет эти стихи. Иногда он бормочет их вполголоса самому себе в каком-нибудь углу парка. Но другим он их не прочтет, даже если от нозинана его

будет трясти, как сливовое дерево, с которого стряхивают плоды.

У безумцев есть тайны, которых никто не должен знать.

Центральная тюрьма города Клерво

14 декабря

К тюремной больнице вел длинный белый коридор с блестящим полом, в нескольких местах перегороденный решетками. Камеры расположены попарно – одна напротив другой. Сквозь стеклянные стены внутрь проникает дневной свет.

Наружная дверь камеры номер 34 все время была открыта, вторая, внутренняя решетчатая, заперта на засов. Поэтому дежурный надзиратель круглые сутки каждую минуту видел, что происходит внутри. Тома Отран спал на полу камеры, свернувшись клубком, без подушки и без одеяла. Время от времени он сильно вздрагивал, что-то ворчал и переворачивался на другой бок, не открывая глаз.

С тех пор как он был под действием успокоительных, никто не считал нужным его будить, и он просыпался только в часы приема пищи, когда голод становился сильнее дремоты. Тогда он съедал, хватая руками все, что ему подавали, пачкая свою пижаму, и снова погружался в полусон. Охранники много раз встречались глазами с его взглядом, который был острее, чем когда-либо. Они говорили об Отране со страхом. Все служащие тюрьмы с нетерпением ждали дня, когда этого заключенного под номером 167485 переведут отсюда.

Через несколько часов после смерти Моралеса заключен-

ные подняли бунт на тюремном дворе. Пришлось вмешаться тюремным спецназовцам, которые силой развели бунтовщиков по камерам. Начальник тюрьмы не стал давать ход требованиям наказать виновных: он считал, что дело надо замять.

Ближайшая лечебница для тяжелобольных находилась в городе Саррегемине. В ней не было свободных мест. Другая была в Вильжюифе²⁶. Там тоже не было свободного места, но были согласны на обмен. Сначала центральная тюрьма Клерво должна была принять их пациента, а потом пусть Тома Отрана переводят к ним. Так принято в подобных лечебницах: они всегда завалены просьбами принять пациента. Менее сумасшедшего больного отправляли куда-нибудь еще, чтобы принять на его место самого сумасшедшего из сумасшедших. Тома Отран принадлежал ко второй категории. Уже неделю ему вводили огромные дозы успокоительных.

Во вторник вечером было получено разрешение на его перевод, и персонал тюрьмы вздохнул с облегчением.

– Отправляем его завтра, в три часа ночи, – сказал начальник тюрьмы группе надзирателей, собравшейся в его кабинете.

– В три?

– Да. Для этого есть две причины. Во-первых, я не хочу, чтобы вся тюрьма орала «смерть ему». Во-вторых, утром возле Парижа многочисленные пробки. С таким подконвой-

---

²⁶ Вильжюиф – южный пригород Парижа.

ным, как Отран, это рискованно. Значит, сегодня вечером его надо подготовить к отъезду.

– Не знаю, может ли он что-нибудь понимать: от того, что доктор накачал его лекарствами, у него, должно быть, каша в мозгу, – сказал начальник охраны.

– Я имел в виду, что все должно быть готово до приезда жандармов, – объяснил начальник тюрьмы.

– Он только что пел! – сказал один из надзирателей.

– Пел?

– Да. Что-то такое, что невозможно понять. Похоже на песни индейцев в вестернах.

Директор покачал головой и с досадой произнес:

– Вот что нам приходится терпеть – держать у себя буйных сумасшедших, которым тут не место! – Он печально посмотрел на окружавших его охранников. – Благодарю вас за хорошую работу, господа. Я знаю: она была нелегкой.

* * *

Тюремная машина въехала во двор тюрьмы в 2.30. В ту же секунду два надзирателя открыли дверь камеры номер 37. Отран спал и, видимо, ничего не чувствовал. Еще шесть надзирателей ждали в коридоре. Два санитары из вильжюифской лечебницы подошли к Отрану, встали с двух сторон от него и попытались разбудить. Но его тело ни на что не реагировало. Лишь через несколько минут им удалось вытащить Отрана

из ночи, в которой он укрылся.

– Мы отвезем вас в другое место, – пояснил старший из двух санитаров. – Там вам будет лучше. Ваше место не здесь.

Отран долго смотрел на них немигающим взглядом.

– Для меня никогда и нигде не было места, – произнес он, с трудом шевеля губами.

– Как вы себя чувствуете? – спросил другой, молодой санитар.

– Как сумасшедший, которого обкололи лекарствами!

Взгляды санитаров скрестились со взглядами надзирателей.

– Сейчас мы поможем вам сесть. Или вы сможете сесть сами?

Отран с трудом встал и, шатаясь от слабости, сумел самостоятельно сесть на табурет, который пододвинул ему один из охранников.

– Хорошо, Тома. Теперь мы должны обеспечить ваше спокойствие. Вы понимаете, что это значит?

Отран кивнул.

Санитары и два помогавших им надзирателя просунули его руки в рукава смиренной рубашки и мгновенно застегнули ее у него на спине на застёжки-липучки.

– Так безопаснее для вас. Не бойтесь, – спокойным голосом сказал санитар.

Его коллега надел Отрану на щиколотки кандалы из нержавеющей стали. Теперь Отран был больше похож на

сверток, чем на человека, и едва мог поставить одну ногу перед другой.

– Я хочу видеть небо! – вдруг сказал он.

– Нет проблем. В машине вас усадят удобно, и вы сможете видеть дорогу.

Они молча спустились в тюремную канцелярию. Отрана тащили санитары, его ноги волочились по полу. Формальности, необходимые для перевода заключенного из тюрьмы в лечебницу, казались бесконечными. Отран терпеливо ждал в углу, с двух сторон окруженный надзирателями; волосы у него были растрепаны. Его глаза не упускали ни одной подробности того, что он видел, – каждую гримасу лица окружающих, каждый жест, неуклюжий в этот утренний час.

– Идем, – сказал главный врач, запихивая документы в черный кожаный портфель.

Снаружи падал снег. Ряды снежных хлопьев пересекали красноватые светящиеся круги прожекторов и зеленоватые прямоугольники вышек. Тонкий слой снега уже покрывал каменные плитки, которыми был вымощен маленький дворик, отделявший административный корпус тюрьмы от зданий, где содержали заключенных. Отран шел мелкими шагами, его кандалы звенели. Один из жандармов вел его за поводок, прикрепленный застежкой-карабином к смирительной рубашке.

– Посадите его в первое отделение, оттуда самый лучший вид, – сказал санитар.

– Зачем?

– Он хочет посмотреть на природу, пока его везут к нам. Надеюсь, вам это не помешает? – проворчал медик.

– Что не помешает?

– Что он будет видеть природу.

Жандарм ничего не ответил, открыл боковую дверь машины, и заключенного грубо втащили внутрь. Шофер тянул Отрана под мышки, а жандарм толкал под зад. Оказавшись на сиденье в крошечном отделении тюремной машины, Отран сразу же прижался носом к зарешеченному окну и стал смотреть в воображаемую даль поверх каменных стен и блестящих черепичных крыш, сквозь занавес из снега, который в полной тишине опускался на землю и постепенно покрывал ее.

Тюремная машина двинулась с места. За ней поехали еще две – машина жандармерии и вторая, без отличительных знаков, в которой находились сотрудники вильжюифской лечебницы. Когда этот кортеж выехал из Клерво, было еще темно. Дорога была пуста и проходила среди полей по равнине, которую иногда пересекали леса. Струя холодного воздуха проникала внутрь тюремной машины сквозь щели между корпусом и пуленепробиваемыми стеклами окон. Почувствовав этот ветер, Тома забыл про Клерво. Он смотрел на оледеневшие пашни, покрытые комьями мерзлой земли, на голую равнину и искал взглядом больших зверей, которые населяли этот простор. Вдали он разглядел оленя.

Дирижер поднял палочку. Лампы, освещавшие пюпитр, отбрасывали на него золотистые блики, похожие на бабочек. Тишина. Потом маэстро взмахнул палочкой. Две короткие ноты, одна длинная. Тема Агамемнона. На сцену вышла первая служанка:

Где Электра?

Вторая служанка пожала плечами:

Она же всегда в этот час
оплакивает отца.

Так, что все стены

Отзываются эхом

На ее причитания.

Пять служанок одеты в белые туники, длинные волосы падают им на плечи. На заднем плане декорации – черные стены и огромный бюст.

Каждый день в один и тот же час Электра оплакивала своего отца. Ни одна из служанок не смеет приближаться к ней в это время. Ни одна не выдерживает ее взгляд, полный ядовитой злобы, как у дикой кошки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.